

Курков

Андрей

Закон улитки

CF FOLIO

Журналист Виктор Золотарев

Андрей Курков

Закон улитки

«Фолио»

2000

Курков А. Ю.

Закон улитки / А. Ю. Курков — «Фолио», 2000 — (Журналист Виктор Золотарев)

Книга продолжает начатый автором в романе "Пикник на льду" рассказ о судьбе журналиста Виктора Золотарева. Спасаясь от смерти в Антарктиде или участвуя в предвыборной кампании в Киеве, переживая ужасы "добровольного" чеченского плена, он осознает справедливость Закона улитки, рожденного самой жизнью, – без собственного домика, крыши, как улитка без ракушки, – ты слизняк. И любой, походя, может просто раздавить тебя ногой.

© Курков А. Ю., 2000

© Фолио, 2000

Содержание

1	5
2	8
3	12
4	15
5	19
6	21
7	23
8	29
9	34
10	36
11	39
12	41
13	42
14	44
15	45
16	48
17	53
18	56
19	59
20	61
21	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Андрей Курков

Закон улитки

1

После четырехдневного пересечения пролива Дрейка Виктор еще дня три не мог прийти в себя. Полярники, прибывшие вместе с ним на корабле «Горизонт» из аргентинского портового городка Ушуайи, уже вжились в обстановку и занялись своей научной работой, спеша сделать какие-то замеры и анализы перед вот-вот наступавшей полярной ночью. А Виктор все еще отлеживался в комнате жилого этажа главного корпуса. Выходил только поесть да выглянуть наружу. Обращались с ним нормально. Он даже успел сдружиться с одним настоящим полярником – по специальности тот был биофизиком и занимался исследованиями в области выживания человека в экстремальных условиях. Виктору казалось, что для этого достаточно несколько раз пересечь бурлящий пролив Дрейка, который к тому же был наверняка шире Черного моря. Но этот ученый пересечением пролива не интересовался, хотя сам признался, что все четыре дня пролежал на койке с мутной головой и пустым желудком.

Потихоньку Виктор изучил станцию. Даже наружу стал выходить. Для этого выдали ему ярко-красный костюм с желтыми отсвечивающими полосками. Выучил он еще одно правило: перед каждым выходом – пусть даже на десять минут – надо было записаться на доске, висевшей слева от входной двери, поставить фамилию и время выхода. Ему объяснили, что если через час человек не возвращается, все выходят его искать.

Вообще-то история у станции Вернадского была довольно трагической, и Виктор, кажется, уже понимал, почему Англия подарила ее Украине. Англичанам здесь явно не везло. За годы работы станции погибло шестнадцать полярников и разбилось два самолета, доставлявшие сюда запасы и оборудование. Стоило спуститься к воде и оглянуться, и этот комплекс из нескольких маленьких и одного более или менее крупного двухэтажного здания с чердаком-складом тут же вызвал бы сравнение с древним тюремно-островным поселением.

И только в одном месте на полярной станции можно было расслабиться и спокойно посидеть – в баре жилого корпуса. Но и бар этот был совершенно отмороженным. Выпивка в нем не продавалась, да и самого бармена в природе не существовало. Сюда можно было прийти со своим спиртным и посидеть у барной стойки. Можно было выпить и занюхать гроздью бюстгальтеров разных размеров, свисавших с вертикальной подпорной балки, начинавшейся прямо на барной стойке и упирившейся в потолок. Все бюстгальтеры были с автографами их бывших владелиц – странноватая традиция станции: все побывавшие здесь женщины оставляли в баре этот предмет туалета, словно провокацию для эротических снов полярников.

Виктор тоже оказался ими спровоцирован. Но не для снов. Руки его сами потянулись к этим жестким кружевам, удерживавшим нужную и нравящуюся мужчинам форму. И хоть были они теперь наполнены воздухом, но само касание их кончиками пальцев обдало Виктора ощущением весны. Он словно уловил носом запах цветущей вишни.

Может быть, фантазия увела бы его и дальше, но в этот момент к барной стойке присели двое полярников с несколькими бутылками аргентинского пива. Предложили пива и Виктору, но он отказался.

– Зря, – участливо проговорил один из них. – Это уже последнее пиво, больше не будет!

Биофизика-экстремолога звали Станислав, или, проще, Стас. Он нашел Виктора часика через два и вызвал прогуляться.

Они прошли вниз к деревянному настилу – «слипу», по которому спускали и затаскивали назад моторные резиновые лодки на алюминиевом каркасе. Там Виктор увидел своих

первых в Антарктиде пингвинов – были они маленькие, словно игрушечные по сравнению с Мишей.

– Это пингины Адели, – объяснил Стас. – Мы ведь на острове, это еще не совсем Антарктида.

Они прошлись до дизельной, где жужжал генератор, потом дошли до какой-то закрытой лаборатории, где делались магнитные замеры.

– Тут на станции один парень из Москвы, мой тезка, – заговорил вдруг Стас, оглянувшись по сторонам и удостоверившись в том, что рядом никого нет. – Он сейчас болеет, в санчасти лежит. Я ему про тебя рассказал, и он очень хотел встретиться. Зайдешь?

– Почему нет? – пожал плечами Виктор.

Вернулись в главное здание. Виктор ушел к себе, а Стас пообещал зайти за ним через часик.

Больной москвич оказался крупным мужчиной лет сорока. Койка санчасти была для него коротковата. Он лежал на спине, немного согнув ноги в коленях. Крупное лицо было бледным, так что слово «больной» приобрело у Виктора в голове сразу более серьезное значение.

Стас-экстремолог вышел, оставив их вдвоем.

– Ты что здесь делаешь? – спокойно и грустно спросил москвич, глядя на Виктора опухшими глазами.

– Так, посмотреть приехал...

– Давай поговорим без тараканов, – москвич вздохнул. – Я – банкир Станислав Брониковский. Я здесь прячусь. Дома меня подставили. Видишь, я тебе сразу правду говорю. А ты что здесь делаешь?

– Тоже прячусь, – признался Виктор, обезоруженный откровенностью банкира.

– Ну вот и хорошо, – проговорил Брониковский.

– Что ж хорошего? – удивился Виктор.

– Ничего. Просто хорошо, что мы – «коллеги». Ведь ты мог бы оказаться человеком, которого прислали, чтобы меня убить...

Виктор посмотрел на банкира с жалостью и недоумением.

– Но я ведь знаю, что это не так... Во всяком случае, меня уже и здесь достали...

Воцарилась пауза на несколько минут, и Виктор уже собирался было уйти из этой тихой комнатки-санчасти, но банкир, уловив желание Виктора, снова обратился к нему:

– Ты заходи ко мне почаще. У меня тут шахматы есть... Я ведь тебе помочь могу! – сказал он таинственно.

Виктор ушел, пообещав снова зайти через несколько часов.

С тех пор он стал заходить к Брониковскому действительно часто – времени у Виктора было много. На дворе было холодновато, хотя намного теплее, чем он ожидал. Всего лишь минус пятнадцать. А в жилом здании отопление работало отлично, в санчасти и подавно. Они играли с Брониковским в шахматы, разговаривая за игрою обо всем. Виктор отмечал иногда, что своими вопросами банкир изучает его, но не было в этом ничего странного. Просто Брониковский явно страдал манией преследования. И манией в серьезной стадии. Сам Виктор никогда бы не поверил, что за ним, Виктором Золотаревым, следом в Антарктиду могут послать киллера. Кто он такой, чтобы еще человека за ним посылать за тридевять земель? А вот банкир – фигура покрупнее. Шахматным языком – это ферзь. Так что, возможно, опасения Брониковского были не так уж далеки от действительности. К тому же его странная болезнь прогрессировала, и местный доктор хоть и пичкал его антибиотиками, но поставить точный диагноз не мог. Заговорил было о поездке к американцам на станцию «Пальмер» – это в трехстах километрах, но потом сам отбросил эту идею.

А банкир тем временем жаловался на боли в животе, почти ничего не ел. Только его крупное телосложение давало, видимо, ему возможность питаться ранее запасенными в теле соками, как верблюду.

Однажды Виктор заметил, что бледность Брониковского приобрела новый, синеватый оттенок. В тот день банкир прошептал Виктору: «Я знаю, кто меня отравил!» Но больше он ничего не сказал.

Превозмогая боль, играл с Виктором в шахматы. Проигрывал молча. А после игры достал из-под койки наполовину пустую бутылку аргентинской водки – Виктор уже пробовал здесь такую и был от этого напитка не в восторге.

– Послушай, – заговорил Брониковский, разливая водку по двум чашкам. – У меня к тебе предложение и просьба!

Виктор внимательно посмотрел на больного банкира.

– У меня готов отход и документы на другое имя, их завтра привезут на яхте. Там будет один поляк – Войцех. Он должен забрать меня с собой отсюда, но как только он меня увидит в таком состоянии... – Брониковский тяжело вздохнул. – В общем, мне уже отсюда не выбраться, но если хочешь, можешь поехать вместо меня. Только если пообещаешь сделать то, о чем я тебя попрошу...

Виктор кивнул. Брониковский объяснил, что хочет передать Виктору письмо для своей жены и кредитку, с которой Виктор может во время дороги снимать деньги, но потом тоже должен отдать жене.

– Но там же в документах твое фото?

– Войцех за минуту его заменит на твое. Он в этом деле – спец.

Виктор, поразмыслив пару минут, кивнул. И тут же увидел на бледном лице Брониковского болезненную улыбку.

2

И вот почти месяц спустя Виктор спустился по крутым вагонным ступенькам на платформу Киевского вокзала. В карманах брюк лежало два паспорта. В правом – польский, в левом – синий, украинский. Спортивная сумка не очень давила на плечо – в ней на самом дне болтался кулечек с жетонами казино, там же лежала записная книжка и пачка польского печенья.

Нахмуренное небо нависало над киевским вокзалом, но ни грозы, ни дождя не обещало.

Виктор вышел на площадь и остановился. Если не останавливаться, а идти «на автопилоте», то вывели бы его ноги к автобусной остановке, а потом и к подъезду своего дома. Но автопилот не работал. Точнее – его отключила сама жизнь, и поэтому первые шаги по привокзальной площади показались Виктору неуверенными шагами космонавта по Луне. Неуверенность, кажущаяся излишней, и подозрительная мягкость асфальта под ногами – вот-вот провалится. И как это другие так спокойно проходят мимо, спешат. У них автопилоты работают, а у Виктора – нет. В этом и проблема.

И все равно надо куда-то идти или ехать. В кармане лежат гривни, «переночевавшие» на Южном полюсе. Если за время полярной антарктической ночи здесь не поменялась власть или не произошел очередной географический «оползень» в сторону России, то гривнями еще можно заплатить за мелкие радости жизни, вроде поездки в автобусе. Только вот куда ехать сначала?

Виктор осмотрелся и увидел газетный киоск. Тут же асфальт под ногами отвердел и по нему, отвердевшему, направился Виктор к «Союзпечати».

Взгляд сразу вычленил из трех десятков по-карточному разложенных на прилавке газет родные «Столичные ведомости».

Отойдя всего лишь на шаг от киоска, Виктор развернул газету и простоял так с полчаса, выпитывая в себя киевские новости.

Жизнь не изменилась. По крайней мере, по этому номеру газеты можно было судить, что все здесь, в стольном граде Киеве, идет своим чередом. Иностранцы привозят гуманитарную помощь домам-интернатам, двух депутатов украинского парламента сажают в немецкую тюрьму за банковские махинации, в Херсоне расстреливают семью бизнесмена, а на Оболони открывается роскошный гипермаркет садового оборудования и инвентаря. Только парочка некрологов на предпоследней странице огорчила Виктора скудословием и письменным косноязычием неизвестного автора, спрятавшегося за его, Виктора, когда-то собственным псевдонимом «Группа товарищей». И в выходных данных газеты отсутствовал Игорь Львович. Главным редактором был теперь какой-то Вайцман П. Д.

Мгновенным сладким воспоминанием пронеслась в памяти картинка каких-то прошлых похорон – они с Мишей стоят у гроба очередного выдающегося покойника, а сверху светит солнце, звучит скорбная речь кого-то из родных и близких, только слова пролетают мимо, потому что они с Мишей как бы не отсюда, они часть ритуала – точнее пингвин Миша – часть ритуала, а он, Виктор, часть пингвина Миши. И поэтому они ничего не слышат, они переживают похороны, переживают время, переживают жизнь, словно она почти вечная.

Эх, подумал Виктор, хорошо бы жить вечно, а умереть молодым. Чтобы жизнь была бесконечной и отделенной от физического времени каким-то защитным прозрачным колпаком. Чтобы все было естественно, чтобы деревья на бульваре Шевченко росли, чтобы собаки поднимали под ними лапы, чтобы девочки превращались в женщин, но чтобы он, Виктор, оставался таким же.

Глупые мысли приятнее и легче умных.

Виктору снова вспомнился Миша. Где он сейчас? В Феофании? Это вряд ли... Скорее всего отдыхает между похоронами. Значит, искать его все равно надо на Байковом кладбище в момент концентрации там большого количества «мерседесов». Ведь жизнь не изменилась.

Виктор пожевал губами. Щеки еще помнили щемящий морозец Антарктиды. Родина Миши, суровая ледяная пустыня, вызывала в памяти уважение. Страна сама по себе. Ей было все равно, какие флаги попробуют вывесить над ней научные завоеватели. Она знала, что коренное население пингвинов все равно останется свободным и непокоренным. А все завоевания и пунктирные неохраняемые границы суть суета и признаки тщеславия для школьных учебников географии и патриотического воспитания детей тех немногих стран, которым хочется казаться больше, важнее, холоднее и недоступнее, чем они есть на самом деле. Но, впрочем, эти страны мстительны по мелочам. Они могут хвастаться и по-другому – они забирают пингвинов и увозят их к себе в зоопарки, делая таким образом Антарктиду доступнее и ласковее. Вот, смотрите, в вольере наша Антарктида. Завтрак у нее в восемь утра, обед – в час дня, уборка вольера – в четыре.

Неожиданное солнце пробилось лучами сквозь нахмуренное небо, и Виктор поднял голову. Настроение неба менялось. Тучи постепенно превращались в облака или происходил какой-то другой труднообъяснимый для непосвященных климатический феномен. Прогрессирующая дистрофия туч. Они ведь и с самого начала показались Виктору скорее декорацией, чем предвестниками ливня. Тучи были импотентны, а импотентные тучи зовутся облаками, и ветер их обычно растаскивает по небу до полного исчезновения.

Спрятав газету в сумку, Виктор пощурился еще несколько мгновений на выглянувшее солнце. Потом оно спряталось, но было очевидно, что спряталось ненадолго. Все-таки в природе – лето. Хотя осень уже в дороге.

И я в дороге, подумал Виктор, оглянувшись на вокзал.

Теперь надо было решить: куда дальше. Он задумался. Хотелось домой и в ванну. Потом, по очередности приоритетов, надо было разыскать Мишу и убедиться, что с ним все в порядке. Он ведь перед ним в долгу. Это он, Виктор, занял его место в самолете и слетал на его родину. Но причина этой замены была вполне серьезной. А долг он Мише отдаст, непременно отдаст. Он все долги отдаст. Жаль только, что ему, Виктору, никто ничего не должен.

И вот уже город проплывает мимо автобусного окошка. Полуденное солнце засвечивает асфальт и тротуары. Рядом сидит пожилой мужичок в джинсах и белой футболке и вчитывается в проспект фирмы, занимающейся эмиграцией в Канаду. Проспект похож на тест. Или точнее – на телевизионную викторину. Вопрос: «какое у вас образование?». Три варианта ответа: «высшее техническое – три балла», «среднее техническое – два балла», «высшее гуманитарное – один балл». Виктор покосил глазами в низ листа. «Сложите ваши баллы, и если получилось 15 и более – смело обращайтесь к нам – у вас отличные шансы стать гражданином страны кленового листа!»

Виктор сам себе кивнул. Потом все-таки еще раз пробежал глазами вопросы, посчитал свои баллы. Набралось их с трудом восемь. Страна кленового листа ему не светила. Он вздохнул с облегчением. Отсутствие шансов дает гораздо больше свободы, чем их обилие.

От остановки автобуса до дома было метров триста. Надо было пройти мимо детского сада, школы и небольшого скверика.

Виктору не хотелось спешить. А около детского садика он вообще остановился и засмотрелся на какую-то группу, под руководством молодой воспитательницы играющую в «паровозик». Двух-трехлетки, положив руки на плечи впереди идущих, смешно переваливаясь, шли по невидимой колее вокруг песочницы. Ну точно как пингвины.

Виктор всмотрелся в лица детишек. Подумал о Соне, вспомнил Мишу-непингвина. Странно, что пингвины живут дольше, чем непингвины... Хотя и это под вопросом. Сначала надо убедиться, что с пингвином Мишей все в порядке.

Постояв и понаблюдав за детьми, Виктор отправился дальше. Шлось ему легко. И земля под ногами была достаточно твердой, пока не остановился он перед своим подъездом. В этот момент заработавший было автопилот снова отключился и в сознании воцарилась растерянность. Он задрал голову и посмотрел на свои окна. И словно оттуда опустилась на его плечи какая-то тяжесть. Виктор вздохнул, зашел в подъезд.

Вниз, навстречу, пронеслась по лестнице знакомая соседская кошка Машка. Виктор на мгновение расслабился, но стоило подняться на свой этаж, и расслабленность слетела с него, словно ее и не было. Родная железная дверь, кажущаяся непреступной. Только теперь в нее был врезан еще один замок, на полметра ниже прежнего. Виктор с опаской посмотрел на него. В кармане он сжимал ключ от старого замка, но этот новый замок словно бы смеялся своей скважиной над тяжелым латунным ключом, согретым теплом ладони.

Виктор отступил на шаг и посмотрел на половичок под дверь. Новый резиновый, с такой же резиновой рельефной надписью «welcome». То бишь – добро пожаловать. Постояв несколько минут, Виктор услышал, как внизу хлопнула дверь, и этот хлопок вдруг встряхнул его, передал ему импульс опасности, страха. И Виктор замер, прислушиваясь к чьим-то шагам. Кто-то поднялся на четвертый этаж, зазвенел связкой ключей. Открылась и закрылась дверь. Снова стало тихо, и Виктор осторожно спустился вниз. Выглянул из парадного. Страх еще не прошел, но страх этот не был полностью осознанным, естественным. Это был тот, старый страх, из прошлого. Просто он вынырнул из памяти и как бы обволок Виктора собою. Напротив, через двор, посреди которого на железобетонных столбиках были натянуты веревки для сушки белья, зеленели свежепокрашенные двери парадного соседнего дома. Там, на втором этаже справа, жила баба Тоня, мама друга его детства Толика. Она всю жизнь торговала молоком. Там же, в их дворе. С шести утра ее зычный голос врывается в открытые форточки. «Мо-ло-ко! Мо-ло-ко!» – кричала она. Тогда этот крик был равнозначен слову «Вставай!». Только «Вставай!» говорила мама, а слово «Молоко!» влетало в его спальню за час-полтора до того и уже готовило его к подъему.

Виктор быстрым шагом перешел двор и поднялся на второй этаж.

– Витя? – обрадовалась баба Тоня, открыв двери. – Заходи! Заходи! А я думала, что ты уехал!

Какая же она «баба» Тоня, подумал Виктор. Действительно, Тоне до старушки было еще далеко. И одевалась она аккуратно. Видно, что следит за собой. Продавщицы молока долго сохраняют молодость и гладкую кожу. Полезная для здоровья профессия. «Ей же, наверно, уже лет шестьдесят», – подумал Виктор.

– Кушать хочешь? – спросила баба Тоня. – Я как раз бульон сварила. Купила курицу, а она совсем старушкой оказалась, только на бульон и сгодилась...

Виктор кивнул.

Проходя на кухню, бросил взгляд в гостиную, где на серванте стоял портрет вечномолодого Тониного сына Толика. Много лет назад он сорвался с дерева и разбился насмерть. Тогда вокруг этих домов росло много старых деревьев и на их верхних ветках они, тогдашние мальчишки, строили халабуды. Находили хорошую развилку веток, укладывали на ней дощатый пол и смотрели с высоты в двадцать метров на мелкий мир взрослых строителей коммунизма. Собственно, уже тогда было ясно, что коммунизм люди строили каждый для себя. Было в этом что-то от тайного соревнования: кто больше коммунизма у себя дома построит. У кого в холодильнике больше копченого лосося и советского шампанского окажется. Господи, это ведь все в прошлом веке было!

Бульон тоже напомнил что-то из далекого прошлого. Даже не что-то, а просто прошлое, доброе домашнее детство. И жесткая куриная ножка, в которой вязли зубы, и желтые круги-разводы куриного жира на поверхности бульонного озера.

– У меня еще холодный рис есть, – сказала баба Тоня. – Всыпать?

Виктор кивнул, и она положила в бульон две столовые ложки вареного риса, который тут же пошел ко дну.

– Ты теперь где живешь? – спросила она.

– Да тут живу, – ответил Виктор.

– А, значит, сдаешь квартиру? А я думала – продал!..

Виктор задумался.

– Нет, там племянница моего друга с ребенком живет...

– Да, у нее такой симпатичный муж... высокий... милиционер, кажется, или военный...

– Муж? Милиционер? – удивился Виктор. – Про мужа я ничего не знаю. – И он бросил через кухонное окно немного встревоженный взгляд на окна своей квартиры в доме напротив.

– От вас позвонить можно? – спросил Виктор.

– Да вон, телефон на холодильнике...

Виктор поднялся, набрал свой номер.

– Алло! – раздался в трубке звонкий голос Сони.

– Соня? – Виктор улыбнулся в трубу.

– Дядя Коля? – спросила Соня.

– Нет, дядя Витя.

Возникла пауза, после которой голос Сони еще больше оживился.

– Дядя Витя?! А ты где?

– Я в Киеве. А ты?

– А я дома... А Миша с тобой?

– Нет, Миши нет... Он где-то тут, в Киеве...

– Потерялся?

– Ага, потерялся, но я его найду!

– Ты его обязательно найди и приведи домой! А то тетя Нина кошку принесла, а она царапается. А Миша не царапался!

– Да, – подтвердил Виктор грустно, – Миша не царапался. А тетя Нина дома?

– Не-а, она по магазинам пошла. А ты придешь?

– Приду, – пообещал Виктор. – Только чуть позже... И, наверно, тогда, когда тети Нины и этого дяди Коли не будет... У вас же теперь дядя Коля живет?

– Живет, – сказала Соня. – Но он хороший, он мне роликовые коньки купил. А вчера он куда-то на два дня уехал и обещал мне ракушек привезти...

– Интересно, значит, на море уехал... Он что, вправду милиционер?

– Нет, понарошку... Взаправду он какой-то сторож, но не простой, а главный... Ой, тетя Нина идет! Хочешь с ней поговорить?

– Нет, Сонечка, я потом позвоню! – быстро свернул разговор Виктор и опустил трубку на аппарат.

Оглянулся на бабу Тоню. Она как ни в чем не бывало стояла у плиты. Вернулся к столу, снова бросил взгляд на окна.

– Если хочешь – можешь здесь переночевать, туда ж неудобно, – проговорила, обернувшись, баба Тоня.

– Спасибо... Я, баб Тоня, сумку здесь оставлю... до завтра, а завтра зайду. Хорошо?

– Конечно, заходи! – кивнула она.

3

Надо было разрядиться. Виктор шел по Крещатику належке, только те же два паспорта лежали каждый в своем кармане. А в кармане куртки глухо позвякивали жетоны казино, которые съездили с Виктором в Антарктиду и обратно. Уходя от бабы Тони, он вытащил кулечек с жетонами из спортивной сумки. Вытащил и впихнул в карман. Все это произошло как-то автоматически, но сейчас, когда он шел по вечернему Крещатику, то узнавая его, то не узнавая, присутствие в кармане жетонов вносило в его прогулку элемент игры, элемент азарта. Во внутреннем кармане куртки лежала штученция поважнее – кредитная карточка «Visa» от банкира-полярника Брониковского. «Восемьдесят девять девяносто семь» – повторил Виктор пин-код карточки. Память пока функционировала нормально. Рядом с карточкой в конверте лежало письмо банкира его жене. Виктор даже не спросил: а есть ли у него дети? Это станет известно позже. Когда он доедет до Москвы, найдет ее, передаст письмо, расскажет все на словах. Она, должно быть, будет плакать... Но сперва надо найти Мишу, найти, попросить у него прощения. И, если удастся, исправить ситуацию. Может, скоро будет вылетать очередная экспедиция на далекий холодный Юг нашего маленького глобуса?

– В мгновенную беспроектную лотерею не желаете сыграть? – прозвенел рядом нагловатый голос.

Виктор остановился. Парень лет двадцати в джинсах, клетчатой рубашке и наброшенном поверх рубашки пиджаке улыбался и кивал головой в сторону. Виктор оглянулся и увидел теплую компанию лохотронщиков, стоящих около раскладного столика. Заметив поворот его головы, они живо «заиграли».

– Спасибо, я в беспроектную не играю, – ответил Виктор. – Тем более что я и так всегда выигрываю!

– Это можно исправить, – сказал парень.

– Можно, но не нужно, – Виктор улыбнулся парню вполне приветливо, обошел его и направился дальше.

Странно, что этот разговорец Виктора взбудрил. Вспомнилось, с каким фатализмом он выигрывал тогда в рулетку. Какую усталость вызывали у него бесконечные выигрыши. Везет дуракам и новичкам. Новичком его уже не назовешь, а дураком – еще можно. Но дурак – слово безобидное. Каждый человек – дурак, только некоторые дурачатся иногда и с удовольствием, а другие – совершенно серьезно и всю жизнь.

Просидев полчаса в каком-то кафе, Виктор спустился на Подол, но здесь его ожидал неприятный сюрприз – винного бара «Бахус» больше не существовало. На его месте теперь блестел модными витринами магазин дорогой одежды. Перейдя на другую сторону Константиновской, Виктор спустился в пивной подвальчик и, к своему удовольствию, обнаружил, что и в пивной можно получить вино на разлив. стакан молдавского «Каберне» оказался как нельзя кстати. И время остановилось. Рядом пьянствовали свободные граждане города Киева, появлялись и исчезали красные пятна лиц. А Виктор купался в винном тепле, он словно отогревался за весь пережитый, не такой уж крепкий антарктический морозец. И в голове звенел детский голос, голос Соньки, спрашивающей про пингвина Мишу и жалующейся на царапающую кошку.

– Эй, парень, тут не занято? – прервал его размышления чей-то голос.

Виктор поднял глаза – двое мужиков кивали на свободные стулья за его столом. Виктор оглянулся по сторонам, убедился, что все столики пивной были заняты, и кивнул мужикам. Мол, садитесь и пейте!

Мужики действительно сели и начали пить. Размышлениям Виктора они не мешали, и голоса их, обсуждавшие какую-то чепуху, звучали как за стенкой. Не хочешь – не слушай!

Виктор и не слушал. Он взял себе еще один стакан вина.

В пивной не было окон. Горели желтые лампочки под темным потолком и совершенно чужеродной смотрелась зеленая неоновая надпись над барной стойкой: «Хайнекен». «Какой, к черту, «Хайнекен?» – подумал с ухмылкой Виктор. – Это все свое, родное, отечественное, дешевое. И пиво, и вино, и водка, которую некоторые посетители по старой советской традиции старались незаметно доливать в бокалы с пивом – для укрепления эффекта. Эффект действительно был крепким. В углу пивной уже спал, похрапывая, помятого и одновременно интеллигентного вида мужчина. К нему подошел другой, наклонился. Виктор заинтересованно наблюдал, думая, что сейчас спящего будут выносить или что-то подобное. Но все оказалось проще – у спавшего на руке были часы, а тот, кто подошел к нему, просто хотел узнать время. Он приподнял безвольную левую руку, сдвинул рукав пиджака с запястья и, изучив расположение стрелок на часах, опустил руку на место.

На третий стакан вина Виктору не хватило денег. Он поднялся по крутым ступенькам пивной и огляделся по сторонам. Улица окутывалась вечерними огнями, нежный свет витрин выливался на тротуары. Если сейчас повернуть налево и пройти метров триста – он выйдет на набережную Днепра, и тогда речной прохладный воздух приободрит его.

Около часа он не спеша брел по набережной в сторону метро. Мимо проносились машины. А Виктор шел и думал о себе, о своем возвращении. Тот факт, что его место в его собственной квартире было занято, воспринимался спокойно. Просто его дом уже не был его домом. Там возник какой-то другой мир, и возможно, он не имел права вмешиваться в жизнь этого мира. Только Сонька сейчас казалась ему ближе, чем тогда, перед отъездом. Только она как бы и оставалась ничейной, то есть такой же ничейной, каким был он сам. Это роднило, но еще больше роднило прошлое. Роднил покойный Миша-непингвин, лицо которого уже стерлось из памяти Виктора. Но по-другому Виктор его помнил. Даже голос его помнил. И Сонька – это все, что он оставил миру на память о себе. Да и не миру он ее оставил, а ему, Виктору...

Дойдя до моста, Виктор сел в метро и приехал на «Лево-бережную». Теперь ноги его вели прямо в казино «Джэфф».

Здесь ничего не изменилось. Лиц он не помнил, а расположение гостиничного фойе, проход за тяжелые занавеси, кабинка обмена жетонов – все было таким же. Охраннику на входе в зал Виктор молча сунул пару жетонов, заранее вытащенных из культика в кармане.

Остановился у ближайшей рулетки, сделал свои ставки, посмотрел на трех выпивших ребят, которые тоже разложили жетоны по нумерованным квадратикам стола. Запрыгал шарик по кругу. Молодой крупье, лениво прищурившись, следил за ним. Для него игра была неинтересной – всем своим видом он словно показывал: «Еще не вечер! Погодите. Вот часика через три начнется настоящая игра!»

Виктор тоже следил за шариком, и тоже лениво. Однако шарик остановился на «десятке», и Виктор понял, что его жетоны сейчас перейдут в собственность стола. Удивленный, он снова достал жетоны и сделал несколько ставок. И снова проиграл. Это его протрезвило. Ребята рядом тоже проигрывали, но совершенно спокойно, словно именно с этой целью сюда и пришли. А зачем сюда пришел он? Потому что здесь он провел свои последние дни и ночи в Киеве. Но тогда он праздновал будущую смерть и поэтому выигрывал, а сейчас? Смерть вроде бы осталась в другой, прошлой, жизни. Там же, видимо, осталась и его удача.

Виктор сыграл еще несколько раз и опять безуспешно. Даже один из парней, и тот вдруг выиграл десяток жетонов, а жетоны Виктора крупье рутинно захватывал своей лопаточкой и ссыпал в дырку, в бездну, куда уходило все проигранное. Тот, кому все это сверху падало, должен был богатеть регулярно, с каждой игрой.

Нет, хватит, подумал Виктор и остановил свою руку, уже забравшуюся в карман, к культику с жетонами. Он сделал шаг назад. Последил минут десять за игрой ребят. Пришла официантка

с подносом – бесплатное шампанское должно было скрасить огорчение от постоянной несправедливости. Виктор выпил шампанского и подошел к будочке обмена жетонов.

Сначала заглянул в окошечко, убедился, что там кто-то есть.

– Жетоны обратно поменяете? – спросил он.

– Выиграли? – донеслось в ответ.

– Ага, – Виктор выложил пригоршню разноцветных кружков и ладонью продвинул жетоны в окошко. – Это еще не все!

– Повезло! – произнес парень-меняла, но в его голосе возникло напряжение.

– Десять процентов тебе, – сказал Виктор, наклонившись и пристально уставившись в глаза парню.

Парень кивнул, и тогда Виктор выгреб из кармана все жетоны.

– Многовато, – негромко проговорил парень.

– Ты посчитай, а там посмотрим...

Виктор выпрямился. Слышал, как вздыхал в кабине парень, подсчитывая и сортируя жетоны по цвету.

– Тут на восемьсот долларов, – прозвучал голос парня.

Виктор улыбнулся. По его подсчетам парень ошибся раза в три, но спорить с ним он не собирался.

– Ну ладно, давай хоть восемьсот...

Уже в фойе, зайдя в туалет и закрывшись в кабинке, Виктор пересчитал зеленые банкноты и убедился, что из обещанных восьмисот меняла дал ему семьсот шестьдесят, но и это не вызвало у него никакого протеста. Он все равно считал себя победителем – ведь он поменял игрушечные деньги на настоящие, а не наоборот.

Единственное, что немного угнетало, – так это результат сегодняшней игры. Было ясно, что удача закончилась. Это, конечно, не окончательный приговор. Можно попробовать обжаловать его у судьбы. Только вот как проверить? В казино он больше не пойдет. Два раза в жизни – вполне достаточно. Первый раз и последний.

4

Видно, даже в полумраке вечернего города на лице у Виктора читалось, что в кармане у него почти восемь сотен баксов. По крайней мере, пока шел он по Крещатику, шел прямо, не уворачиваясь от встречных прохожих, а заставляя их обходить себя, пока шел он так, два раза окликали его разбитные девчонки, одетые излишне легко даже для нежной прохлады летнего вечера. А потом, минут через пять возле кафе «Грот» еще одна, третья, с мальчишеской стрижкой и поднятыми на лоб большими солнцезащитными очками, сказала ему в упор: «Не спеши так, меня не заметишь!» И он остановился удивленно, заметил ее, миниатюрную, во всем мини.

– Ну? – сказал он, а она широко улыбнулась и опустила на носик огромные, как теперь казалось, очки, спрятавшись за их темными стеклами не просто глазами, а почти всем лицом. Только улыбка осталась под очками.

– У тебя есть куда идти? – спросил вдруг Виктор, не дождавшись ответа на свое неконкретное «ну?». И действительно, на такое «ну?» и отвечать как-то стыдно.

– Есть куда, – кивнула девчонка. – Пошли!

– Подожди, – Виктор поднял руку к своему лицу, дотронулся указательным пальцем до нижней губы и задумчиво продолжил: – А какая программа? И сколько стоит?

– У тебя хватит, – девчонка опять подняла очки. – Засунь обратно, а то потеряешь...

И она нагнулась вперед, ее тонкая рука дотянулась до левого кармана куртки, выхватила выглядывавшую оттуда зеленую сотню, помахала ею перед лицом Виктора, потом свернула банкноту пополам и засунула ее обратно в левый карман.

– Понтуешься? – спросила она.

– Нет, я по жизни рассеянный. Тебя как звать?

– Светик, а тебя?

– Витя...

– Ну что, Витек, вперед!

Они поднялись к кинотеатру «Дружба». Дальше Света вела Виктора вверх по Лютеранской в сторону Печерска. Виктор, шедший на полшага позади Светы, то смотрел по сторонам, то рассматривал девчонку. Она то и дело оборачивалась, проверяя: не потерялся ли он.

– А ты вообще-то чем занимаешься? – спросила она, обернувшись в очередной раз. Спросила лениво, без любопытства.

– Я? – Виктор вздохнул, задумавшись. Вдруг нужное слово само выскочило из его рта. – Я – полярник...

– Полярник? – удивилась Света. – Че? Сидел, что ли?

– Зимовал... Или, если точнее – летовал.

– На льдине?

– Почти. В Антарктиде, в экспедиции. Знаешь, у Украины есть там дача, «Фарадей» называется. Я там за защиту прав пингвинов отвечал.

– Дача? В Антарктиде?! Ты гонишь! – засмеялась девчонка.

– Во-первых, я не люблю жаргон, а во-вторых, я не гоню! Я действительно только что оттуда.

Света вдруг остановилась, ее круглые глазки загорелись.

– Ну что, полярник, пришли!

Виктор осмотрелся и увидел, что остановились они перед открытыми настежь воротами детского садика. Свет уличных фонарей из последних сил подсвечивал песочницы и качели. В окнах двухэтажного здания свет не горел. Виктор перевел взгляд на Свету, потом еще разок покосился на деревянные навесы возле детских площадок. В его голову закралось подозрение,

что Света собирается «угостить» его подростковой романтикой улицы. А ему этого не хотелось. Открытого пространства, будь то Антарктида или центр Киева, он не любил. Особенно когда над этим пространством сгушалась темнота.

– Ну и что дальше? – спросил Виктор, и в голосе его прозвучало легкое раздражение. – Что мы будем здесь делать?

– Не бойся, Витек, – зашебетала Света. – У меня есть волшебный ключик!

И она зашагала легкой походкой к боковой двери здания детского садика. Ловко открыла дверь и, призывающе махнув рукой, нырнула в темноту. Виктор вошел за ней следом.

Внутри было удивительно тихо, и тишина эта показалась Виктору тревожной.

– Не бойся, здесь никого! – сказала девушка почему-то шепотом и снова махнула рукой, показывая дорогу.

Они поднялись на второй этаж, прошли по широкому коридору, слушая, как поскрипывает под ногами паркет. Потом Света открыла дверь и они зашли в какое-то помещение. Глазам Виктора, уже успевшим привыкнуть к полумраку, открылась спальная комната с двумя десятками по-военному застеленных детских кроваток. Взбитые «треуголки» подушек стояли в ряд и тут же напомнили Виктору о пионерских лагерях своего советского детства.

– Что стоишь? – спросила Света. – Надо обустраиваться, иначе будет неудобно!

И она стала сдвигать кровати вплотную друг к другу. Ход ее мысли был понятен. Если составить пять таких кроваток в сплошной ряд, то выйдет из них одна нормальная двуспальная кровать, которую и создавала сейчас Света.

Закончив, она обернулась.

– Эй, полярник, давай раздевайся, а то замерзнешь!

Виктору вдруг стало неловко. Он снова осмотрелся по сторонам, прислушался к тишине, посмотрел на не задействованные Светой детские кроватки, аккуратным геометрическим строем стоявшие слева.

– А здесь что, до сих пор детский сад? – спросил он и оглянулся на Свету.

Она стояла уже в одних трусиках.

– С восьми утра до шести вечера – да, – сказала она.

– А с шести вечера до восьми утра?

– Ты чего, Витек? – удивление в ее голосе смешалось с нотками раздражения. – Тебя что-то волнует?

– Да нет, – Виктор взял себя в руки, выбросил все мысли из головы и быстро разделся.

Они уже лежали на «поперечной» кровати, и Виктор вдыхал аромат каких-то духов, когда Света наконец прикоснулась к его груди рукой, повернулась на бок и прошептала: «Не бойся, это не бордель! И кстати, утром и днем я здесь тоже работаю...»

– Кем? – Виктор повернулся к ней и дотронулся пальцем до ее губ.

– Ну не воспитательницей, конечно, – ответила она и поцеловала его палец. – Я с детьми песни разучиваю. На пианино им мазурки и польки играю, а они себе танцуют, как ни в чем не бывало. Просто позавидовать можно!

– И тебе что, зарплату здесь платят?

– Да, пятнадцать баксов в месяц в родной валюте... Но ведь родину любят не за баксы?

– Какую родину? – не понял Виктор.

Света обняла его, прижала к себе.

– Мою родину, этот вот садик! Я здесь пять лет своей жизни провела, сначала в яслях, потом уже в разных группах. Меня сюда родители в восемь утра сбрасывали, а в шесть вечера забирали.

– Зачем тебе это? – удивился Виктор. – Ты же, наверно, и так неплохо зарабатываешь!

– Да пошел ты! – рассердилась вдруг Света. – Ты мне еще ни копейки не заплатил, а уже мои деньги считаешь! А ну быстро за работу!

Она захохотала, развернула Виктора так, что он оказался на спине, а сама забралась ему на живот, наклонилась, поцеловала в губы.

– Ты болтун, а не полярник! – сказала почти ласково.

– Нет. Я просто долго рот закрытым держал!

Эхо поскрипывания кроватных сеток откатывалось от стенок просторной детской спальни. Виктору вдруг очень понравилась миниатюрность Светы. Он легко ее перекачивал через себя на другую сторону и там снова прижимал к себе, прижимался к ней, искал ее глаза, ее губы. Это продолжалось долго, пока вдруг откуда-то из темноты не донесся далекий телефонный звонок. Прозвенел раза три и затих. Но поднявший голову Виктор так и застыл, прислушиваясь.

– Не бойся, это у директрисы телефон... Ошибся, видно, кто-то... Есть хочешь?

Удивленный вопросом, Виктор расслабился, снова лег, опустил голову на подушку, повернулся лицом к девушке.

– А что у тебя сегодня в меню?

– А меню с тысяча девятьсот семьдесят третьего года здесь не менялось. Манная каша с пятном масла и клубничного джема посередине. Жадные выедают середину и пьют компот, а умные все это размешивают и съедают целую тарелку...

– А что! Было бы неплохо! – усмехнулся Виктор.

– Почему «было бы»? – обиделась Света. – Ты что, мне не веришь? А ну подъем! Умывальник в коридоре направо, горшки там же!

Одевшись, они прошли в другое крыло здания, и там, в неосвещенной детсадовской кухне, Света «вслепую» сварила манную кашу. Только когда она открывала холодильник, чтобы взять молока, на пол упал желтый домашний свет. И голубоватые огоньки горячей газовой комфорки тоже создавали видимость уюта. Но потом, когда в детской столовой, скрючившись в три погибели, Виктор сидел за столиком и уже ел алюминиевой ложкой настоящую манку с клубничным джемом, ощущения уюта больше не было. Напротив сидела Света, которая, благодаря своей миниатюрности, чувствовала себя за столиком вполне удобно. И Виктор, усмехнувшись, не смог смолчать.

– Ты что, специально не выросла? Чтобы в детсадике остаться?

– Ну да! – весело ответила она. – На детей не обижаются – это раз! Им многое прощают – это два! И в-третьих – их тоже стараются не обижать, а даже наоборот – балуют! Понял?

– Чем же мне тебя побаловать? – спросил Виктор.

– Нет, это я тебя сейчас балую, потому что ты какой-то отморозенный, то есть полярник. Вот, видишь, кашей балую! А от тебя мне много не надо – пятьдесят баксов вполне хватит!

– А это не много? – смеясь поинтересовался Виктор.

– Старик, у меня система скидок для полярников не предусмотрена... Но если ты будешь настаивать – я что-нибудь придумаю!

– Нет, настаивать не буду! Я это так, пошутил...

Проснулся Виктор на тех же кроватках. Где-то на полу зазвенел будильник. В открывшиеся глаза тут же ударил солнечный луч, и Виктор зажмурился, отвернулся. Обшарил, нагнувшись, глазами пол и понял, что будильник ночевал в Светиной сумочке. Сама Света еще спала, уткнувшись чуть вздернутым носиком в подушку.

Виктор поднялся, открыл сумочку, вытащил оттуда маленький будильник и отключил его. Когда засовывал его обратно, обратил внимание на лежавшие в сумочке ключи от машины и какое-то удостоверение. Оглянулся на все еще спящую Свету, потом раскрыл удостоверение.

Удостоверение оказалось студенческим билетом Светланы Алехиной, студентки третьего курса Колледжа международного бизнеса.

«Третий курс?» – удивился Виктор, еще раз оглянувшись на спящую Свету.

На фотокарточке, вклеенной в студбилет, Света Алехина выглядела насупленной и недовольной девочкой-подростком.

Озадаченный, Виктор сунул студенческий билет обратно в сумочку, поднялся и подошел к окну. Потянулся, окидывая непривычно бодрым взглядом двор детского садика, и тут же отпрянул назад к кроватям, заметив, как в этот двор, оживленно беседуя, заходят две пожилые женщины.

Подскочил к Свете, наклонился, дотронулся до плеча.

– Светик! Вставай! Сюда люди идут!

Света лениво открыла глаза.

– А будильник еще не звонил?

– Звонил, минут пятнадцать назад.

– Что?! – Света вскочила, быстро оделась, оглянулась на Виктора. – Ну что стоишь! Давай быстро кровати расставлять!

И под ее чутким руководством они растащили большую двухспальную кровать на пять детских, подровняли их. Потом Света на скорую руку застелила кровати. Виктор только отметил, что кровати «нетронутого» ряда были застелены аккуратнее.

На улицу они вышмыгнули через какие-то неприметные двери с другой стороны. В дверях столкнулись с двумя крепкими ребятами, заносившими в здание большие картонные коробки. Света чирикнула им: «Привет!» и проскочила вперед. Виктор пропустил их внутрь, догнал Свету. Спросил: «Кто это?» – «Да тут одна фирма подвал под склад арендует. Компьютерами торгуют!» – объяснила Света. Потом посмотрела на часы, повернула свое еще не проспавшееся личико к Виктору – в глазах легкое сонное сожаление, словно предваряющее слова вынужденного прощания.

– Витек, а где мои честно заработанные? – спросила Света.

Виктор послушно достал из кармана купюры, нашел зеленый полтинник и протянул ей.

– Извини, мне надо бежать, – сказала она уже теплее. – Если нагнешься – поцелую!

Виктор нагнулся к ней, маленькой, милой, миниатюрной. Она поцеловала его в губы.

– Может, еще встретимся? – спросил Виктор.

– Дай телефончик – позвоню! – предложила Света.

Виктор чуть было не назвал свой номер телефона, но тут же осекся. Теперь это был телефон Нины, Сони и какого-то сторожа, похожего на милиционера.

– Нет у меня телефона... Пока...

– Что ж ты так слабо! – удивилась Света. – Пока свои полярные деньги на девочек полностью не угрохал – купи мобильник!

– А у тебя есть телефон?

Света вздохнула.

– Есть, только возле него мама спит и она не любит, когда ее будят...

– Ладно, – сказал Виктор. – Я тебя и сам найду!

– Попробуй! – улыбнулась Света. – Найдешь – поцелую!..

Они дошли до Шелковичной. Света выскочила на дорогу, махнула рукой – и тут же какой-то частник, сделав резкий крен в сторону тротуара, остановился возле нее. Света, договорившись с водителем, махнула Виктору ручкой, села в машину и уехала.

Виктор, проводив машину взглядом, вздохнул и побрел по улице дальше. Свернул на Лютеранскую и спустился вниз, на Крещатик.

5

В только что открывшемся подвальчике-кафе «Старокиевское» царствовала приятная прохлада. Хозяйка большой венгерской кофеварки зевала, выставляя на прилавок вчерашние пирожные.

Кофе она сварила совсем дрянной. Зато сахара положила больше, чем надо. Хорошо еще, что не размешала.

Виктор все еще пребывал в плену ощущений прошедшей ночи. Думал о Светке, о ее странной и такой естественной детскости. Вот только студенческий билет как-то совсем сюда, в эту прошедшую ночь, не вязался. Словно это была обычная подделка для покупки льготных проездных билетов. Собственно, такое вполне возможно. Ведь на Петровке можно было без проблем купить бланк любого удостоверения – хоть МВД, хоть СБУ. Оставалось только вклеить фотографию и вклеить какую-нибудь печать. А после этого – что хочешь, то и делай. В пределах разумного, конечно.

Виктор отпил глоток кофе, и странно, что никакой обычной кофейной горечи на языке не осталось. Вместо вкуса кофе вынырнул внезапно вкус ночной манной каши с клубничным джемом, вкус детства.

Прошедшая ночь не отпускала Виктора. Первый раз в своей жизни он как-то слишком легко и естественно «купил» ночь счастья и страсти. И никаких неприятных ощущений, никаких совестливых мыслей. Не стыдно, не больно, не обидно. Что там Брониковской говорил? Придет возраст, когда бесплатно уже не дают, а платить еще стыдно? Виктор грустно усмехнулся. Брониковский, пожалуй, был не прав. Да и не было у Виктора ощущения, что он заплатил. Да, он отдал полста баксов этой милой девчонке, просто взял и подарил в благодарность за чудные мгновения. Или это ее надо благодарить за ту легкость, с которой он расстался с зеленой купюрой. Ведь действительно, все произошло так легко, по-домашнему, словно они были уже знакомы и просто состоялось очередное романтическое свидание в детском саду, где, видимо, происходит в отсутствие детей много чего странного и романтического, где в подвале торгуют компьютерами, ночью варят манную кашу. Там наверняка и на чердаке что-то происходит. Невидимое, неслышимое, незаметное. Радостная загадочность жизни. Почему-то до Антарктиды эта загадочность отсутствовала. Может, потому что Виктор был отделен, отрезан от нее своей замкнутой и вполне полноценной жизнью члена уже рассыпавшейся семьи. В той жизни у него были обязанности – он кормил пингвина Мишу, создавал печальные «крестики», перечитывал их и иногда сам пускал скудную слезу по будущим покойникам. Он думал о Соне, он обеспечивал Нину деньгами и самоощущением домохозяйки и жены. У него были ключи от собственного маленького мира. Это теперь на дверях в его старый мир появился новый замок и он стал беженцем. И на бегу вчера вечером его остановили и предложили немного счастья. И – главное – не обманули. Счастье до сих пор ощущалось во всем его теле. Счастье растягивалось, как жевательная резинка, хотя вкус его, как вкус манной каши с клубничным джемом, уже «смылся» с языка, перешел в иное чувственное пространство, в отдельную ячейку памяти, где хранятся другие прошлые вкусовые ощущения, где в конце концов все смешивается, чтобы потом внезапно, из-за сумбурной ассоциации или мысли, вынырнуть вдруг и напомнить о себе, о том счастливом моменте, канувшем в прошлое.

И снова в мыслях всплыл детский садик, только уже другой. Такой же двухэтажный, с такими же песочницами и качелями, но уже с детьми, среди которых и он сам с высоко подрезанной челкой русых волос, в коричневых шортиках и в синем свитерке. Обед, манная каша с клубничным джемом и тающим сверху маленьким айсбергом масла. Потом – тихий час. После тихого часа – разучивание песенки про зайчика.

Интересно, что сейчас делает Соня, озабоченно подумал Виктор. Она ведь никогда не ходила в детский садик, она не играла с другими детьми. У нее какое-то совершенно другое детство...

Виктор вышел из кафе, нашел глазами уличный телефон. Подошел и позвонил себе домой.

Длинные гудки вызвали в нем напряжение. А вдруг трубку снимет Нина? О чем с ней говорить? Наверно, можно было бы спросить: «Как дела? Что нового?»

К счастью, трубку подняла Соня. Радостным звонким голосом сообщила, что Нина куда-то ушла, а дядя Коля не ночевал дома и не звонил, и кошку она выпустила на улицу погулять, и что она, хоть и царапается, но очень умная – сама уходит погулять, а потом сама приходит и скребет когтями по двери, пока ей не откроют.

Рассказав все последние новости, Соня вдруг спросила: «А ты когда домой придешь?»

Виктор растерялся, замешкался с ответом.

– Не знаю, – сказал он. – Может, через пару дней...

– А ты приходи, когда никого не будет! – предложила Соня. – Я тебе яичницу сжарю! Я уже умею – тетя Нина уезжала на два дня, а мне только яйца оставляла и булочку. И я сама себе яичницу жарила, я уже большая!.. А ты Мишу видел?

– Нет еще, – ответил Виктор. – Я сегодня к нему поеду...

– Ты ему привет передай и скажи – пускай возвращается. Тут без него скучно...

– Скажу, – пообещал Виктор. – И в гости к тебе приду, когда никого не будет!

– И звони чаще! – попросила Соня.

– Хорошо, я тебе завтра утром позвоню!

Опустив трубку, Виктор взгрустнул. Ему захотелось назад, в прошлое, в свою тогдашнюю жизнь. Проще говоря, захотелось домой, только чтоб все было спокойнее и стабильнее. Чтoб больше никаких «крестиков» и похорон с пингином. Или, по крайней мере, никаких похорон, а только «крестики». Но в прошлое можно было только окунуться мыслями и воспоминаниями. А теперь надо было собраться, вдохнуть побольше воздуха, осмотреться и понять: где он, где Миша? Что из прошлого перешло в сегодняшний день и как ему, Виктору, к этому сегодняшнему дню приспособиться, прислониться, прижиться? Что ему потом, когда он отдаст все долги, делать? Да и долгов-то – мелочь! Поездка в Москву к жене, а точнее – к вдове банкира Брониковского. Но главный долг – перед Мишей. Его отдать будет сложнее, но он постарается. И начнет стараться уже сегодня. Утренний кофе, хоть и дрянной, но свое дело сделал. Виктор проснулся. Проснулся для дальнейшей жизни.

6

Феофания встретила Виктора проблесками солнца сквозь набежавшие облака. В лицо плеснул воздушной прохладой ветерок. Над головой громко шептались листья деревьев, кричали птицы. А впереди, на территории «Больницы для ученых», прогуливались пациенты. Высокий старик в синем халате делал медленные шаги по аллее, останавливался после каждого шага, шевелил губами, снова делал шаг.

Инфарктник, подумал Виктор, обгоняя старика.

Чуть дальше впереди находилась ветлечебница. Надо только обойти главный корпус справа, зайти со двора. Там тоже есть своя территория, по которой несколько месяцев назад прогуливался под чутким руководством врачей пингвин Миша.

Виктор занервничал, что-то резануло болью в душе. Снова чувство вины защемило невидимый душевный нерв, и Виктор остановился. Стоял, смотрел вверх на кроны деревьев. Ждал, пока чувство вины отпустит его, по крайней мере как-то осядет, спрячется. Но защемленный этим чувством нерв ударил по глазам. Виктор сощурился от не ощутимой, но осознанной боли. На глаза накатили слезы, хотелось плакать. Виктор сморгнул это желание, избавился от него. Пошел дальше.

За главным корпусом двое санитаров в белых халатах выгуливали на подстриженной лужайке трех собак. Одна из собак сильно хромала на переднюю лапу.

Виктор поздоровался с санитарями. Спросил, где врач Илья Семенович. Санитары отправили его на второй этаж в ординаторскую.

Идя по коридору, Виктор заглянул в палату, где когда-то лежал Миша. Рассмотреть новых пациентов он не смог. Только детские кровати увидел да никелированный столик на колесиках с какой-то медаппаратурой возле одной из кроваток. Жужжание подсказало Виктору, что медоборудование на столике работает, а значит, идет борьба за жизнь четвероногого пациента.

Илью Семеновича Виктор действительно нашел в ординаторской. Врач не сразу узнал Виктора, но поздоровался очень дружелюбно.

– Помните, вы делали операцию пингвину Мише? – напомнил о себе Виктор.

– Миша? – переспросил Илья Семенович, и на его лице появилась грустная улыбка. – Конечно, помню... У нас за все годы только один пингвин и был!.. А вы... я же помнил вашу фамилию...

– Золотарев, – подсказал Виктор.

– Точно! Вас тут ждали недели три...

– Кто?

– Ну я не знаю... Как принято говорить – люди спортивно-деловой наружности... Один постоянно тут торчал. А остальные двое приходили утром, сами Мишу выгуливали, а вечером опять уходили...

– А потом что?

– Потом? Потом Миша выздоровел, окреп. И они его забрали. Приехали на двух джипах, доплатили за лекарства и лечение, очень вежливо забирали. Напоследок снова о вас спрашивали и... если мне память не изменяет, что-то для вас оставляли... Нет, не так все это было, забыл я уже... Ждали вас одни, а Мишу забирали другие. А конверт оставляли те, которые вас ждали! Вот как запутанно! – врач усмехнулся. – Как говорится – без стакана водки не разберешься!

– И где этот конверт?

Врач оглянулся на застекленный книжный шкаф, потом посмотрел на свой рабочий стол. Присел на кресло, выдвинул один ящик, потом второй. Вытащил оттуда несколько рентгеновских снимков, потом – коричневый конверт. Протянул его Виктору.

– Вот, здесь ничего не теряется... кроме совести...

Виктор, взяв в руки конверт, бросил на врача вопросительный взгляд.

– Да-да, кроме совести, – повторил врач. – Только вчера пришлось выгнать очередных нянечек – воровали корм для собак из кухни!.. Они, конечно, не виноваты, – врач грустно усмехнулся. – С этим можно бороться только путем геной инженерии...

Виктор уже не слушал Илью Семеновича. Он вытащил из конверта отпечатанную на компьютере записку и свернутую газетную вырезку.

«Перезвоните до 20 мая по телефону 488-03-00. Это в ваших интересах». Подписи не было.

Развернул вырезку, и тут же в груди кольнуло. Обрамленный в черную траурную рамку на него с газетной вырезки смотрел его бывший шеф Игорь Львович. Краткий некролог сообщал о его трагической гибели в автомобильной аварии на Бориспольском шоссе. Шофер превысил скорость, и когда на шоссе внезапно выехал груженный песком самосвал, затормозить уже было невозможно.

Виктор свернул вырезку и сунул ее обратно в конверт.

– А Мишу когда забрали? – спросил он врача.

– Давненько уже. В общей сложности он у нас шесть недель провел, вот и подсчитайте. Вы же его сами сюда привозили...

Виктор кивнул. Пожал Илье Семеновичу руку, попрощался.

Остановился во дворе. Санитары еще выгуливали собак. Они были крепкими ребятами, и белые халаты делали их больше похожими на мясников, чем на сотрудников ветлечебницы. Один из них вдруг пристально посмотрел на Виктора, и Виктору стало не по себе. Он развернулся и быстро зашагал к воротам.

7

От больницы до кладбища дорога коротка. Даже если ты здоров и едешь своим ходом. Просто если ты едешь на кладбище, то думаешь о жизни. О своей или чужой, но о жизни и ее смысле. И эти мысли крадут время, крадут внимание. И трамвай позвякивает усыпляюще, ублаживает своим неспешным ходом. И только когда за окнами мелькнет красный кирпичный забор, а за ним – перенаселенный город мертвых, только тогда мысли о жизни и ее смысле вспорхнут, как стайка испуганных воробьев. И трамвай чуть траурно замедлит ход и остановится метрах в двадцати от главных ворот этого спокойного города мертвых.

Крик ворон. Легкий ветерок. Старушки, продающие могильные лютики и синеглазки. Бездомные мальчишки, предлагающие свежееукраденные с могил букеты.

Виктор остановился перед воротами. Ему казалось, что могилу Пидпалого он найдет легко, без проблем. Хотя минут пятнадцать-двадцать придется потратить на дорогу.

Подшел к сторбленной старушке, одетой в старый синий ватник. Перед ней в деревянном ящике могильная цветочная рассада – фиалки и карликовые ромашки.

– Почем? – спросил.

– Пять гривен – десяток.

Виктор достал пятерку. Взял пучок цветущих фиалок.

– погоди! – сказала старушка, достала кулек с надписью «Мальборо», разорвала его пополам и замотала в половинку кулька корни фиалок.

По кладбищенской аллее Виктор шел не спеша. Ноги сами вывели его к могиле пингвинолога. Могильный холмик зарос травой. Виктор присел на корточки, опустил фиалки на землю. Где-то далеко прозвенел трамвай.

Виктор оглянулся – вокруг никого не было. Только вороны перекрикивались, да шумел ветер в кронах могучих деревьев.

«У меня не осталось незаконченных дел!» – вспомнились слова Пидпалого. Виктор вздохнул. Здесь, с этой могилы, с похорон Пидпалого началась у них с Мишей другая, параллельная жизнь. Жизнь, которая уже давно закончилась, по крайней мере у него, у Виктора. Где-то здесь, должно быть, лежит и спит вечным сном Игорь Львович, у которого наверняка осталось много неоконченных дел и планов. Остались жена и сын. Наверно, там, где он их прятал от нашей реальности, – в Италии. И в Борисполь он, видимо, спешил не зря – на самолет. Тут ему и подставили «ножку» самосвалом. Всякая история должна иметь точку. Необязательно финал. Точка важнее. Если стоит жирная точка – она и определяет, где у истории финал. А жирнее точки, чем смерть, не бывает.

Метрах в тридцати от могилы Пидпалого на аккуратной небольшой площадке разместился «хоздворик» – мусорный контейнер, заполненный доверху высохшими цветами и прочим кладбищенским мусором. Рядом с контейнером из земли вылезала водопроводная труба, заканчивающаяся краном. Возле крана – ведро и большая железная лейка. И на ведре, и на лейке – красной краской инвентарные номера. Тут же – прислоненная к контейнеру старенькая лопата.

Виктор взял лопату, посадил по краям могилы фиалки. Полил их щедро. Он ведь, кажется, собирался и памятник Пидпалому поставить! Ведь вокруг – сплошной мрамор и овалы фотографии, а тут – почти безымянная могила. Только табличка на потемневшей от сырости дощечке с фамилией и инициалами покойного, как временный пропуск на тот свет. Памятник – это уже как вечный паспорт. Обмену не подлежит.

Виктора опять всколыхнуло чувство вины. Теперь уже перед Пидпалым. Тягостно стало на душе, и Виктор, бросив прощальный взгляд на могилку, пошел обратно, в сторону выхода. Прошел мимо огромного двухметрового мраморного памятника, где покойный был изображен

во весь рост, в спортивном костюме «Адидас», с ключами от «мерседеса» в руке. Сам «мерседес» виднелся из-за его спины.

Виктор остановился, рассмотрел монументальный портрет покойного, и тут его осенило – это же тот самый покойник, который «познакомил» его и Мишу с Лешей, это отсюда их с пингином Леша первый раз подвозил домой на своей машине.

«Расторопов Петр Витальевич. 15.03.1971—11.10.1997».

«Одиннадцатое октября, – подумал Виктор. – Хоронили, наверно, на третий день... тринадцатого... Несчастливое число...»

Опять прозвенел далекий трамвай, и Виктор продолжил свой путь по кладбищенской аллее. Над головой летали вороны. Каркали. К их карканью добавился отдаленный похоронный марш, и Виктор, оглянувшись, увидел далеко, в глубине кладбища, скопление людей. Очередные проводы в вечность.

Минут через десять, свернув на аллею, выходящую уже к воротам, Виктор увидел, как на Байковое кладбище въехало десятка полтора крутых иномарок, среди них – роскошный лимузин-катафалк. В хвосте этой колонны следовали четыре одинаковых черных джипа. Замыкающий колонну джип остановился. Из него выскочили двое парней. Они стали по обе стороны от ворот, а вся кавалькада поехала дальше, по аллее, ведущей к церкви и крематорию.

Виктор насторожился, его губы едва заметно улыбнулись вслед внезапному предположению.

«Какие крутые похороны без пингвина?» – подумал он, внимательным взглядом провожая колонну иномарок.

Он ускорил шаг и, срезая угол, пошел к кладбищенской церкви прямо по участку, лавируя между надгробиями и оградками. Перед глазами мелькали фамилии и даты жизни, но стоило Виктору обратить внимание на какой-нибудь памятник, как наткнулся он на очередную оградку или скамеечку, и этот путь, который казался еще пять минут назад кратчайшим, растягивался. А церковь, словно мираж в пустыне, не приближалась. Она словно парила над кладбищем, над этим полем, усеянным надгробиями и мрамором памятников. Она была недостижимой, недоступной, как посмертное счастье. Но все-таки минут через десять законы физики снова обрели власть, и вот Виктор, приближаясь, видел уже, как заносят в церковь дорогой гроб из полированного красного дерева, с бронзовыми ручками четверо крепких, элегантно одетых мужчин. Остальные – а их было немало, человек сорок, – вышли из машин и терпеливо ждали своей очереди. Несколько дам – все в темных очках от Армани или Версаче. Длинные черные платья. Элегантная печаль одежды. И вдруг от дам к воротам церкви смешно пробежало невысокое черно-белое существо. Виктор не успел разглядеть его, он только уловил взглядом цвет и размер. И тут же сердце радостно екнуло. «Миша!» – подумал он, радуясь очевидной правоте своего более раннего предположения, что такие похороны не могут проходить без пингвина. Засмотревшись вперед, Виктор больно ударился о водопроводную трубу. Посмотрел под ноги – очередной «хоздворик» с краном, ведрами и лейкой. Обошел. Еще метров сто – и он выйдет на площадку перед церковью. И он, потеряв рукой ушибленное колено, поспешил дальше. Вышел на аллею, ведущую к церкви. Увидел, как вся процессия уже зашла внутрь, и только двое сурового вида ребят остались у открытых церковных врат. И вдруг из этих дверей выскочил мальчишка – оборванный, лохматый. В руках он держал книгу. За ним следом – молодой дьяк. Оба бежали навстречу Виктору. Виктор остановился – мальчишка что было сил несся прямо на него, на ходу оглядываясь. «Воришка!» – понял Виктор и, сделав резкий выпад вперед, схватил мальчишку за правую руку. Мальчишка, потеряв равновесие, упал на асфальт аллеи и покатился по нему. К нему подскочил молодой дьяк с жидкой бородачкой и прыщавым лицом. Заметив краем глаза, что справедливость вот-вот будет восстановлена, Виктор продолжил свой путь. А дьяк тем временем вырвал из рук мальчишки книгу, ударил этой книгой его несколько раз по голове и тоже поспешил обратно к церкви. Догнал Виктора.

– Спасибо вам! – сказал, заглядывая заискивающе Виктору в глаза. – Спасу от них нет! Виктор обратил внимание, что книга, которую дьяк отобрал у мальчишки, была Библией.

– Уже штук двадцать украли, – пожаловался на ходу дьяк, шагавший теперь рядом с Виктором. – Один Бог знает, зачем этим бездомным Библии, ведь безграмотные, читать-писать не умеют. Только цветы с могил воруют и продают... Еще хорошо, если перед кладбищем продают, а то ведь некоторые на Крещатик ездят и там продают эти букеты... Люди на свидание, на свадьбу идут... Купят цветы и не узнают, что они с кладбища... А нехорошо это, может несчастье принести...

Дьяк запыхался и замолчал. В открытые церковные двери зашли они вместе, и, может, поэтому выставленная у входа охрана хоть и посмотрела на Виктора пристально, но не остановила его.

А в церкви, в приятном полумраке, горели свечи под иконами и на больших поминальных подсвечниках. Монотонный хрипящий голос батюшки отпевал покойника. Дьяк тут же исчез. Виктор остался один и подошел к плотно окружившим дорогой гроб людям. Попытался посмотреть на покойника, но куда там. Все стояли плечом к плечу, даже щелочки не было, чтобы заглянуть вперед. Оставалось только терпеливо ждать, пока отпевание закончится. Но заунывный голос батюшки все звучал и звучал, и уже непонятно было – псалом это или просто речитатив заупокойной молитвы. Только когда зазвучало: «...и раба божьего Василия», понял Виктор, что это молитва. Он присел на корточки и посмотрел вперед, надеясь увидеть пингвина Мишу. Но тут же поймал на себе удивленный взгляд обернувшегося пожилого мужчины. Поднялся на ноги, ощущая себя нашалившим школьником.

Отпевание длилось полчаса. Потом гроб вынесли из церкви. Виктор опять заметил, как какое-то маленькое существо промелькнуло среди траурной толпы и тут же затерялось, исчезло. Он подождал, пока вся процессия растянется по аллее, и примкнул к последним идущим. Попробовал заглянуть вперед, но, поймав на себе еще один вопросительный взгляд, решил обождать и уже возле могилы присмотреться повнимательнее. Легко и естественно он почувствовал себя своим в этой траурной процессии – словно изо дня в день только тем и занимался, что участвовал в отпевании и похоронах незнакомых покойников. И скорбящие друзья и родственники не ощущались им, как незнакомые люди. Видимо, включилась память, которая быстро отрегулировала его состояние, и теперь он снова, как раньше, выполнял собственную скорбную функцию, снова был частью ритуала, как церковный батюшка или простой гробокопатель.

Могила для новопреставленного Василия была выкопана недалеко от церкви. Там и опустили гроб на покрытый бордовым бархатом подиум. Открыли красную полированную крышку. Виктор наконец увидел покойника – интеллигентнейшее лицо в дорогих очках и только голова перевязана бинтом. Роскошный костюм, на пальцах два перстня, на руке – часы, похожие на «Ролекс».

Виктор обошел скорбящих друзей и родственников с другой стороны, снова всматриваясь внимательно в узкий круг вокруг гроба. И тут разочарование отразилось на его лице болезненной grimасой – он увидел маленького, наверно, двухлетнего мальчишку, одетого в черный костюмчик и белую рубашечку. Вот кого принял он за пингвина. Внутри у Виктора словно пустота возникла. Он замер, пристально глядя на мальчишку, пристально и недовольно, словно это мальчишка обманул его, а не его собственные глаза и мысли. Возникло физическое ощущение обиды, вкус обиды на языке – горький, тошнотворный. И все это отражалось на лице Виктора. А Виктор продолжал смотреть на ребенка и не видел, как внимательно наблюдают за ним двое охранников и пожилой седой мужчина с прилизанными, набок зачесанными волосами. Пожилой бросил взгляд на одного из охранников, и тот, быстро отреагировав, кивнул с пониманием.

Какое-то странное общее движение рук отвлекло внимание Виктора от мальчишки, и он, не меняя обиженно-недовольного выражения лица, наблюдал теперь, как все мужчины взяли в руки мобильники. А у седого, который был повыше других, в руках оказалось сразу два мобильных телефона. Он сделал шаг к гробу и вложил один из них в руку покойного. Отступил назад. Набрал на своем мобильном какой-то номер, и телефон в руке у покойного зазвонил, заиграл электронную мелодию. Виктор встрепенулся, прислушался. Мелодия показалась ему одновременно странной и знакомой. Пожилой поправил изумрудного цвета платочек, торчавший из нагрудного кармана его пиджака, выбрал кого-то взглядом и кивнул головой. Тут же у гроба возникли двое. Они медленно закрыли крышку. Мелодия мобильного зазвучала чуть тише.

«Утомленное солнце!» – вспомнил Виктор, узнав наконец музыку этого танго.

Гроб опустили в могилу, и те же двое, одетые, как теперь стало видно, намного скромнее остальных, но все-таки непривычно аккуратно для кладбищенских рабочих, взялись за лопаты, и земля полетела вниз, гулко ударяясь о крышку гроба. Танго все еще звучало. Теперь друзья и родные подходили к куче коричневой глинистой земли, брали по пригоршне и бросали вниз, в могилу.

Минут через пять танго затихло. Музыка мобильного закопали вместе с покойником. Виктору стало грустно. Новый ритуал ему не нравился. И кто это придумал? Где Миша? Где Леша? Или это были похороны от какого-то другого «похоронного бюро»?

Делать Виктору здесь, на кладбище, больше было нечего, и он развернулся, чтобы уйти. Но не успел он сделать и двух шагов, как перед ним оказались двое охранников в одинаковых черных костюмах.

– Подожди, – сказал один из них голосом, в котором зазвучали металлические нотки. – Поедешь с нами...

– Далеко? – спросил Виктор.

– Не очень, – ответил второй охранник.

Посадили его в джип «мерседес». Один охранник сел за руль, второй – рядом с Виктором на заднее сиденье. Из джипа Виктор наблюдал, как участники похорон рассаживаются по машинам. Мимо прошла женщина в черном и в очках, ведя за руку мальчишка.

Машины начали трогаться с места. Щелкнула дверца джипа, и на переднее сиденье рядом с водителем уселся седой мужчина.

– Поехали! – скомандовал он. Потом оглянулся на Виктора.

В его глазах Виктор прочитал какое-то тихое презрение и равнодушие, он посмотрел на Виктора так, будто его, Виктора, вообще не существовало.

Их джип пристроился в хвост медленно едущей по кладбищу колонны. Седой вздохнул, снова оглянулся на Виктора.

– Ты кто? – спросил он.

– Я? – Виктор пожал плечами. Ему было действительно трудно в двух словах вот так просто объяснить, кто он.

– Ты, ты, – повторил седой. – Я понимаю, когда незваные гости рвутся на чужую свадьбу, чтобы на шару выпить и закусить... Но на чужие похороны... Может, ты знал покойного?

Виктор отрицательно мотнул головой.

– Я хотел посмотреть... Я человека одного искал.

– Он искал одного человека, – повторил задумчиво седой. – И что, нашел?

– Нет... Он раньше занимался охраной похорон... здесь, на Байковом...

– И как его звали?

– Леша... бородатый такой...

Седой переглянулся с охранником, сидевшим рядом с Виктором.

– Интересно... Значит, ты бородатого Лешу искал?

– А вы его знаете? – спросил с надеждой Виктор.

– Он его знает, – показал седой пальцем на охранника. – Или знал, я не в курсе... Ты же его знал?

– Это которого в августе грохнули? – спросил охранник.

– Ой как интересно! – седой улыбнулся. – Это... когда взрывчатку покойнику под голову положили, да?

Охранник кивнул.

– Знаменитые похороны! – произнес седой. – Да... и зачем же ты этого Лешу искал?

В интонациях седого Виктор уловил опасность. Он сглотнул слюну, собрался с мыслями. «Надо говорить, надо больше говорить, – подумал он. – Молчать – опасно».

– Хотел узнать, что с моим пингвином произошло...

– С твоим пингвином? – задумчиво повторил седой, и вдруг словно проснулся – в глазах промелькнул огонек живого интереса. – Так ты... ты тот парень, которого все искали?..

– Когда искали?

– В мае, кажется, искали... всех спрашивали, просили чуть что – звонить... Да, черт возьми, я же тебя на ксероксе видел!

– А кто искал?

– Есть такие люди в штатском, улыбаются все время... Они как бы и не люди, а члены особого муравейника... Назойливые очень. Зато вежливые. Они меня два раза под воротами моего дома встречали и очень просили ксерокс с твоей физией моим ребятам раздать. Вот так сюрприз! Чем же это ты их так достал?

Виктор понял вдруг, что он живой и что о нем почти ничего никому не известно. Тот паршивый «крестик», написанный толстяком, в печать не попал по простой причине – не было покойника. То есть покойника искали, пока он был живой, но не нашли. И вот теперь выяснилось, что он действительно живой.

– Но уже не ищут? – с надеждой спросил Виктор.

– Не знаю, – пожал плечами седой. Потом достал из кармана мобильник. – Могу узнать?

– Не надо, – попросил Виктор.

– Понятно, – кивнул седой. – Значит, еще ищут. Но, наверно, не так усердно... Меня, кстати, зовут Сергеем Павловичем.

– Виктор Золотарев, – представился пленник.

– Ну вот и познакомились.

Джип выехал за ворота кладбища, разогнался. Теперь вся колонна ехала по улице Горького в сторону Московской площади. Виктор смотрел в окно и думал. Думал о Леше, о каком-то взрыве на кладбище. Он прокручивал обрывки состоявшегося десять минут назад разговора и выуживал из них информацию – «взрывчатка в гробу под головой покойника», «он его знает, или знал...». Это про Лешу. Сергей Павлович знал про взрыв, но не знал его точных последствий. По крайней мере, он не сразу использовал прошедшее время, упоминая о Леше. Оставалась надежда. Но охранник, возможно, знает больше.

И Виктор спросил охранника, сидевшего рядом с ним, о взрыве.

– Покойников не много, пять-шесть было, – припомнил тот. – Остальных ранило. Про этого Лешу говорили, что ноги ему оторвало. Может, и выжил – не знаю...

Охранник оказался немногословным, и в джипе снова стало тихо.

Проехали Московскую площадь. Свернули в частный сектор Голосеева. Мимо мелькнуло озеро с песочным пляжем и грибочками-навесами.

Минут через пять вся колонна машин остановилась.

– Приехали, – сказал Сергей Павлович.

– Куда? – осторожно поинтересовался Виктор.

– На поминки, – седой бросил на Виктора прищуренный, задумчивый взгляд. – Пошли-пошли, раз уж ты на похоронах оказался, надо и усопшего помянуть...

8

Поминки для Виктора начались с того, что его обыскали. Вытащили все из карманов, сложили в кулек и унесли. Потом кивнули ему на дверь, мол, проходи.

Большая часть гостей посидела недолго за длинным столом в просторной гостиной с горящим камином, выпили за упокой и разошлись. Осталось человек восемь. К этому времени Виктор уже понял, что Сергей Павлович здесь хозяин, что покойный был мужем его дочери Наташи, которая сидела тут же за столом. Чем занимался покойный – так и осталось неизвестным. Из случайных разговоров стало ясно, что погиб он на охоте от «слепого» выстрела. Просто несчастное стечение обстоятельств – рядом охотились подвыпившие военные. Один из них и пальнул по покойному, не разглядев через листву, что это человек, а не лось.

– Ничего, несчастных случаев у нас на всех хватит, – проговорил Сергей Павлович, выпивая очередную рюмку «Гетьмана».

Потом один из обыскивавших Виктора охранников зашел в зал, первым делом нашептал что-то на ухо седому хозяину – Виктор сразу понял, что речь шла о нем, так как хозяин тут же посмотрел в его сторону. Потом охранник подошел к Виктору и вернул содержимое его карманов.

Просто передал ему кулек, куда Виктор не преминул тут же заглянуть. Все оказалось на месте: и доллары, и письмо от банкира, и кредитка, и два паспорта – польский и украинский.

Напротив сидела женщина лет сорока в обтягивавшем ее хрупкую фигуру черном жакетике. Кто она и как ее звать – Виктор не знал. Его здесь никому не представили, но, впрочем, особого удивления по поводу своего присутствия он среди поминавших не заметил.

Несколько скудных слов о покойном сказал сам хозяин, потом поднимались еще двое мужчин. Стесняясь своего косноязычия, они быстро проговаривали какие-то банальности, заканчивавшиеся неизменным «Пусть земля ему будет пухом!»

В какой-то момент уже изрядно охмелевший Сергей Павлович сказал: «Скучно сидим!» и тут же, вычленив строгим взглядом одного из сидевших за столом охранников, дал ему задание поехать на Крещатик и привезти «музыку из перехода».

Виктор уже тоже выпил немало. Закусывал он только голубцами – блюдо с голубцами стояло прямо перед ним. Услышав о «музыке из перехода», он удивился. Но все разъяснилось довольно скоро. Минут через сорок охранник вернулся и вернулся не один – привел с собой смущенного небритого парня с гитарой. Парень был слегка помятый, лицо его отличалось бледностью, и в глазах горел какой-то нездоровый огонек. Он лихорадочно осмотрелся в просторной гостиной. Взгляд его застыл на столе.

– У нас тут горе, – сказал ему громко Сергей Павлович, и парень вздрогнул, вскинул голову, посмотрел на хозяина.

– Ты грустные песни знаешь? – продолжил хозяин.

Парень кивнул. Охранник поднес ему стопку водки и кусочек черного хлеба.

– Ну давай! – скомандовал Сергей Павлович. – Вон там, перед камином стань и пей!

– На небе голубом горит одна звезда, – запел парень шершавым голосом. Сергей Павлович улыбнулся, кивнул сам себе и налил водки. Потом со стопкой водки в руке подсел к Виктору.

– Тебе тут с нами не скучно? – спросил.

– Нет, – ответил Виктор.

– Это хорошо... Ты, я вижу, человек интересный... Скоро в Москву поедешь?

Виктор понял, что охрана прочитала письмо банкира своей жене и доложила шефу.

– Чуть позже поеду. Сначала надо пингвина Мишу отыскать...

– Знаешь, давай я помогу тебе найти твоего Мишу, а ты, раз уж все равно курьерничаешь, отвезешь туда кое-что и для меня. Добро? Раз тебе такие люди доверяют, значит – ты парень надежный, а это редкость...

– Тогда, может, вы узнаете, что с Лешей произошло? – попросил Виктор, почувствовав, что этот человек действительно многое может.

– Узнаю, узнаю я про твоего Лешу, – кивнул он, поднимая стопку. – Ну давай, за знакомство! – Виктор протянул свою стопку навстречу его стопке, хотел чокнуться, но Сергей Павлович отрицательно мотнул головой. – На поминках не чокаются!..

Выпили молча и залпом.

– Еще поговорим. – Сергей Павлович поднялся и вернулся на свое место.

Гитарист из перехода пел очередную песню, в этот раз про трудную судьбу наркомана. Время незаметно подкатилось к вечеру. За окнами стемнело. В голове у Виктора, правда, стемнело раньше, и он просто заснул. Хорошо, что перед тем, как опустить голову на стол, успел отодвинуть тарелку с недоеденными голубцами.

Разбудил его охранник. Пьяными сонными глазами Виктор обвел комнату, остановил взгляд на потухшем камине и понял, что за столом больше никого нет. Охранник отвел его на третий этаж в маленькую мансардную комнатку. Там стоял красный подростковый диванчик, накрытый полосатым черно-красным пледом. Виктор тут же, не раздеваясь, улегся. Накрылся пледом и опять провалился в сон.

Посреди ночи стало ему жарко, он поднялся и открыл маленькое окошко. Снова лег.

Через какое-то время услышал сквозь сон, как кто-то громко разговаривает во дворе. Поднялся, подошел к окну, но окошко было мансардным и смотрело под углом в сорок пять градусов в темное ночное небо. Правда, слова вдруг стали различимы.

«Только сделай так, чтобы он не обиделся!» – прозвучал голос седого хозяина.

«Гарантирую», – ответил незнакомый молодой голос.

Потом завелся двигатель, и было слышно, как машина уехала.

Закононое пространство успокоилось, ни шумов, ни голосов. Но Виктор застыл в каком-то неудобном, полубодром состоянии. Почувствовал, что в горле пересохло. Включил свет, осмотрелся неуверенным заторможенным взглядом. Осмотрел себя и, поняв, что он до сих пор одет, решил спуститься, найти кухню и выпить воды.

Выходя из мансардной комнатки, оглянулся, пытаясь запомнить свои двери. Прошелся коридорчиком до довольно крутой деревянной лестницы. Спустился на второй этаж. Там лестница была уже пошире. На первом этаже Виктор сначала попал в уже знакомую просторную гостиную с камином. Потом нашел кухню. Через незанавешенные кухонные окна внутрь падал рассеянный свет уличного фонаря. Взгляд Виктора мгновенно упал на двухметровый холодильник. Подошел, открыл верхнюю дверцу, и тут же вспыхнувшая внутри холода лампочка вылила озеро желтого света на кухонный пол. Виктор на мгновение зажмурился, потом внимательно осмотрел полки. Вытащил картонную упаковку апельсинового сока и банку тоника.

– Закрой свет! – раздался вдруг рядом за спиной уставший голос.

Виктор обернулся и увидел в противоположном углу кухни уличного гитариста, певшего прошлым вечером грустные песни. Он сидел за маленьким угловым столиком. Перед ним стояла открытая консервная банка. Рядом стояла бутылка водки и стопка.

– Ну тебя же как человека просят! – повторил он.

Виктор закрыл холодильник и снова оглянулся. Теперь парня он не видел, надо было ждать несколько минут, пока глаза снова свыкнутся с полумраком кухни.

В том углу, где сидел гитарист, вспыхнула спичка. Вспыхнула и погасла, оставив вместо себя подвижный огонек папиросы.

– Жрать хочешь? – спросил парень после паузы, сделав акцент на первом слове.

– Пить, – ответил Виктор.

Он нашел стакан и сделал себе сок с тоником. Принюхался, удивляясь отсутствию запаха табачного дыма.

– Присаживайся! – снова зазвучал голос парня. – Выпьем!

Виктор взял стул, уселся напротив гитариста, поставил перед собой стакан.

Парень взял бутылку водки, налил себе, потом долил в стакан Виктора.

– Хороший домишко, – сказал парень. – И холодильник забит – можно месяц жрать... Там, в морозильнике, вообще хрен знает что – одной мороженой рыбы видов пять, раки, креветки... Хорошо быть депутатом!

– Каким депутатом? – удивился Виктор.

– Каким-каким! Всенародно избранным! – парень поднял стакан. – Давай за него выпьем! Классный мужик! Безотказный! Я в шутку у него косячок попросил, а он и вправду принес! – И парень показал свою крученую папироску.

Виктор понял, почему на кухне не пахнет табаком.

– А с чего ты взял, что он – депутат?

– Во-первых, богатый, значит, депутатство по карману... А во-вторых, там, в туалете, прямо над унитазом его предвыборный плакат с обещаниями!.. Я как раз блевал, а потом голову поднял – лучше стало – смотрю, а он на меня прямо со стены!..

Виктор ощутил смутное беспокойство. Что-то из сказанного гитаристом задело его. Он глотнул своего коктейля, в котором теперь больше всего ощущалась водка, поднялся на ноги и снова подошел к холодильнику.

– Зажмурься! – посоветовал он гитаристу и открыл дверцу морозильной камеры.

Взгляд упал на две полки, забытые мороженой рыбой и океанской экзотикой. Виктор задумался. Ему вдруг подумалось, что эта рыба на самом деле для Миши, и Миша где-то рядом, словно прячут пингвина от него специально. Но потом Виктор опустил взгляд на нижние полки и увидел такое же обилие замороженного мяса, куриц, уток, рябчиков и вообще что-то очень странное в самом низу. Виктор присел на колени, наклонился. От удивления у него раскрылся рот – на самой нижней полке лежали две замороженные черепахи. В недоумении Виктор поднялся, захлопнул дверцу. Вернулся за столик.

– Ну? Как тебе? – спросил гитарист.

– Тебя как звать?

– Игорь.

– Ты не знаешь, Игорь, а депутаты черепах едят?

– А ты уже обкурился? – хохотнул гитарист. – Ха-ха! Черепах... Я вон месяц назад, когда сбежал, несколько дней ежиков в лесу ловил и жарил...

– Откуда это ты сбежал?

– Из армии.

– И не боишься играть в переходах? Ведь заловят!

– Не заловят! – твердо сказал Игорь. – Я ж сбежал из российской армии, из Белгорода, а играю в «незалежных украинских переходах»! Теперь я за границей!

– Да, – согласился Виктор. – Теперь ты – иностранец! А с виду не скажешь!.. А ежики вкусные?

– Нет... Но у меня соли не было, понимаешь. Если с солью – наверно бы, лучше пошли... Да... наверно, мне уже пора... – задумчиво проговорил гитарист, снова наливая водку в свой стакан.

– А с тобой за концерт расплатились?

– Да нет, я стеснительный. Спрашивать было неудобно... так я уже сам тут кое-что взял, вместо денег...

Игорь поднялся с трудом, вздохнул. Притушил о столик окурки.

– Так, где моя гитара? – спросил он, осматривая пол. – А, вот она, родимая. – Наклонился, взял гитару в руки, и вдруг кухня осветилась фарами въехавшего во двор автомобиля.

Гитарист сразу присел на пол. Виктор тоже наклонился к столу. Потом обернулся к окну и понял, что его все равно не видно. Подошел, выглянул наружу и увидел, как из джипа двое уже знакомых охранников вытаскивают и складывают на выложенную кирпичами дорожку небольшие, но, очевидно, тяжелые картонные коробки, перевязанные веревкой.

Через пару минут во двор вышел и хозяин дома, переговорил с охранниками. Потом вернулся в дом. И тут немое кино законной ночной жизни превратилось в звуковую дорожку без изображения. По коридору мимо кухни простучали шаги. Виктор напрягся, замер. Шаги затихли, но вскоре опять раздались за кухонной дверью. И сама дверь вдруг открылась. Щелкнул выключатель и зажегся свет. И оба – Виктор и Игорь – зажмурились.

Сергей Павлович только мгновение, кажется, был удивлен, увидев ночных кухонных гостей. Окинул взглядом кухню. Оценил обстановку.

– Не спится? – спросил, явно не ожидая никакого ответа. Потом остановил взгляд на Игоре. – Концерт закончен, жизнь продолжается, – проговорил он, роясь рукой в кармане помятого белого пиджака. Выудил из кармана несколько смятых купюр, профессиональным жестом картежника развеерил их, выбрал две по пятьдесят гривен и протянул Игорю.

– Можешь идти!

Игорь взял деньги, на лице промелькнула шаловливая улыбка. Он поднял гитару с пола.

– Если надо... я могу еще как-нибудь спеть...

– Не дай бог! – ответил Сергей Павлович. – Иди, дорогой!

Игорь выпятился из кухни. Хозяин перевел взгляд на Виктора.

– А ты присаживайся, поговорим!

Они уселись за угловой столик. Несколько минут молчали. Потом Сергей Павлович сообщил, что узнал много интересного о его, Виктора, прошлых делах. И снова замолчал, наблюдая за Виктором, словно проверяя его реакцию. Из прошлых дел он, правда, назвал только дела газетные, «крестики», и упомянул какого-то Селиванова, под «крышей» которого вроде бы и работал Виктор. Про похороны с пингвином и слова не сказал.

Пауза затягивалась. Виктор молчал. Сергей Павлович поднялся, сварил кофе, поставил на столик две чашки и сахарницу.

– Не стесняйся, – произнес он мягким голосом. – Все у тебя будет хорошо... и в Москву поедешь... Только чуть позже.

Виктор встрепенулся, посмотрел на хозяина внимательно.

– Не бойся! Все действительно будет хорошо... А вот Селиванова у тебя больше нет. Его, увы, вообще больше нет. То есть ты остался без «крыши», и если пойдет дождь, а еще хуже – град, то сам понимаешь...

Виктор бросил в кофе ложку сахара, размешал, пригубил. Вздохнул. Алкоголь выветривался из головы. Выветривался медленно, но тут же на его место приходила уже не физическая тяжесть, а душевная. Он словно уже оплакивал свою свободу, которой по-настоящему и наслаждаться не успел. Даже просто не осознал, потому что даже не дошел до нее. Всего несколько шагов в неверном направлении – и все! Чужая смерть, похороны без пингвина, любопытство и плен. Вот такая наивная и легкая цепь событий.

– Человеку много не надо, – снова заговорил Сергей Павлович. – Немного еды, немного денег и домик – крыша над головой. Чтоб как у улитки... Есть такой закон – Закон улитки. Ты – маленькая улитка, у тебя маленький домик, я – большая, мне нужен домик побольше и крепче. Я, может, уже и свой домик перерос – надо заново строиться. А вот улитка без домика называется слизняк. Знаешь, как к таким относятся и что с ними происходит? Хочешь, я тебе «крышу» построю?..

– Зачем я вам нужен? – выдавил из себя Виктор. – У вас ведь все есть, вы – депутат парламента...

– Что ты! Какой депутат? Я – только кандидат в депутаты, а как только стану депутатом – крыша твоя станет еще прочнее. Да и вообще, ты – свободный человек! Я тебе просто временную работу предлагаю. Понимаешь, ты, оказывается, хорошо о покойных пишешь, а мои ребята даже читают с трудом. Мне такой человек, как ты, сейчас очень нужен – с фантазией, с запятнанной биографией... Напишешь для меня несколько выступлений перед избирателями, программу. Ты же ближе к избирателям, ты знаешь, что им надо. Это вообще-то не очень и важно, но так красивее... А потом, после того как стану депутатом – все! Езжай в Москву, в Нью-Йорк, в Сантьяго-де-Чили! Куда хочешь!

– А если вас не выберут?

– Неправильный вопрос задаешь! Конкурент у меня – человек со шрамом на лице. К тому же почти лысый! Наш народ таких не любит! Кстати, ребята обещали к утру про твоего пингвина разузнать, – хозяин посмотрел на часы. – Через часика два услышим, как там твой Миша!.. А пока походи поспи. Умным людям надо спать дольше! Говорят, что сон продлевает их жизнь.

9

Доброе утро рано не наступает. А в этот раз утро действительно оказалось добрым – Виктор проснулся ближе к полудню. И спал он в этот раз раздетым, с комфортом, под шерстяным теплым пледом. А в мансардное окошечко светило солнце, и лучики его плясали по лицу Виктора, будили-грели кожу, пока он не отвернулся, пока не отодвинулся от солнца, все еще спящий. А потом глаза сами медленно раскрылись – веки устали заслонять их от солнца, или солнце было настолько яркое, что пробивалось даже в закрытые глаза, и деться от этого солнца, как от судьбы, было некуда.

Виктор спустил ноги с диванчика, и тут же покатился по деревянному полу с глухим цоканьем пустой граненый стакан. Виктор нагнулся, сфокусировал на гранчаке взгляд, но тут же увидел еще два предмета, услужливо поставленных у диванчика на деревянном полу, – бутылку пива и открывалку с добротной деревянной ручкой. О нем позаботились. Виктор открыл пиво, налил в стакан, выпил. Вспомнил прошлую ночь, потом прошлый день. Потом ночной разговор с хозяином. И снова выпил пива. Думать не хотелось. Думать было больно – даже не голове было больно, а как-то всему телу. Хотелось только пить пиво и не думать. Но пива была только одна бутылка, а мыслей вокруг витало такое множество, что отмахнуться от них, как от комаров, было невозможно. И снова – ночной разговор, джип, из которого выгружают картонные коробки, гитарист с Крещатика. А ведь утром Сергей Павлович обещал поделиться новостями о Мише. Утро наступило давно, и теперь эти новости находились где-то рядом, ждали его.

И Виктор поднялся, потянулся, оделся. Заглянул в кулечек, валявшийся в углу комнаты, – там все было на месте – паспорта, деньги, письмо с кредитной карточкой. Рассовывая по карманам – и иди! Только вот куда? Пока он, как говорил ночью Сергей Павлович, улитка без домика. То есть слизняк, которого могут раздавить не заметив, или заметив, что, впрочем, не меняло результата. И то и другое было больно. И то, что его долго искали и поджидали в Феофании, тоже кое о чем говорило. А говорило оно о том, что кто-то очень хотел опубликовать тот самый скучный, бездарный «крестик», написанный на него толстым пугливым парнем. То есть в самой истории точку поставили, а на нем точку поставить не смогли – не нашли! Спасло везение. Везение в игре. Рулетка спасла, спасли пластиковые игрушечные денежки, которыми в этом игрушечном мире можно было расплатиться за собственную жизнь, выкупить себя из враждебных обстоятельств и заморозить до поры до времени в Антарктиде. Смех и грусть. Всегда вместе, рука об руку, плечо к плечу.

Но раз можно было попасть в Антарктиду, значит, можно выжить и в других ситуациях. А если уж выживешь, то дальше Антарктиды не улетишь!

Виктор спустился вниз. В доме было тихо и пусто. Ни души.

Снова заглянул в холодильник на кухне. Нашел колбасу, масло. Что-то звякнуло в памяти, и он открыл морозильник. Посмотрел с тупым удивлением на безголовые рыбы тушки, на кульки с королевскими креветками, на две замороженные черепахи.

«Для черепахового супа?» – подумал он. Захлопнул дверцу.

Ел, запивал пивом, взятым прямо из ящика в углу. Там было еще много пива. Вот уж действительно утренний напиток, как для французов – кофе! И вместе с пробуждающейся бодростью приходила приятная тяжесть, основательность, неподвижная самоуверенность памятника.

А потом во двор въехали две машины. И появился Сергей Павлович, задумчивый, озабоченный. Заглянул на кухню.

– Наешься – спустишь в подвал, лестница справа от входной двери.

Виктор кивнул. И все это получилось легко – пить пиво, закусывать хлебом с колбасой и кивать.

В подвале стоял большой бильярдный стол. Рядом – барная стойка с тремя высокими одноногими табуретками. Дальше за барной стойкой дверь. Типичная дверь, за которой не могла не находиться сауна.

Сергей Павлович в одиночку гонял шары. Не прицеливаясь, думая о чем-то своем. Увидев Виктора, улыбнулся.

– Играешь? – спросил, кивнув на бильярд.

– Когда-то пробовал.

– Ну давай еще попробуем! – Достал треугольник, собрал в него шары. Рукой показал на стойку с киями.

Виктор выбрал себе кий подлиннее.

Разбивал Сергей Павлович. Сразу же два шара закатились в лузы. Кий Виктору не понадобился. Один за другим шары покидали стол, и в конце концов хозяин виновато пожал плечами.

– Извини, – сказал он. – У меня так часто получается. Хочу дать другим поиграть, а они просто не успевают... Ладно, пошли на кухню!

Они поднялись на первый этаж. Уселись за угловым кухонным столиком, где совсем недавно сидел Виктор с залетным гитаристом.

– Что-то о Мише узнали? – спросил Виктор.

– О Мише?.. Знаешь... Нет твоего Миши... В Киеве нет... Леху твоего нашли. Может, он тебе что-нибудь расскажет.

– А где он?

– У него теперь свое кафе на Татарке. Называется «Афган»... Место красивое – над обрывом...

– И можно к нему подъехать? – с сомнением спросил Виктор.

– Конечно, можно! Ты что, думал, что в тюрьму попал? Нет, ты теперь на зарплате. Отси-дел рабочие часы – и гуляй!

– И вы не боитесь, что я убегу?

– Ну ты же не дурак! К тому же оба твои паспорта на время в мой сейф лягут. Чтобы карманники не украли! У нас тут просто катастрофа сейчас в Киеве – понаехало карманников со всей Украины! То мобильник, то кошелек стянут... Да, и в твоих интересах никому из старых друзей не сообщать о своем возвращении...

Виктор кивнул. Достал оба свои паспорта и протянул их Сергею Павловичу.

– Ну вот видишь, какой ты сообразительный! – улыбнулся Сергей Павлович. – Быстро Закон улитки усвоил! Теперь тут, – он обвел рукой и взглядом стены кухни, – твой домик. Почуешь опасность – бегом сюда, под крышу! Понял?

10

Полубессонная ночь давала о себе знать. Но сама погода бодрила. Предвечернее солнце слепило глаза. Виктор, проехавшись на маршрутке до Курневского спуска, дальше шел пешком на Нагорную. Прохожих почти не было, и только машины то и дело проносились мимо по улице с какой-то бешеной скоростью. И это при том, что асфальт на дороге был похож на эмментальский сыр.

Кафе «Афган» приютилось на первом этаже какого-то НИИ. Только вход к нему был пристроен с улицы – не ступеньки, а просто бетонный покатый порожек с перилами. Двойная дверь была открыта, и Виктор, сделав два шага вверх по покатоному бетону порожка, зашел внутрь. За удивительно низкой барной стойкой – никого. В зале – несколько столиков – и тоже удивительно низкие, типа журнальных. И ни одного стула. Удивленный Виктор подошел к барной стойке и заглянул за нее – там поблескивала никелированными штучками да ручками кофеварка «Siemens», рядом стояли початые бутылки, кверху ногами висели дружными рядами чистенькие бокалы и бокальчики.

Виктор достал из кармана монетку и постучал по барной стойке.

– Секунду! – раздался голос, показавшийся знакомым.

Виктор уперся взглядом в белую дверь за барной стойкой.

За дверью что-то скрипнуло. Она открылась и в проем въехал на инвалидной коляске бородатый Леха.

Виктор обалдело уставился на него. Сразу заметил, что ног у Лехи не было. А то, что от него осталось, было одето в военный камуфляж.

– О! – удивился Леха, узнав в посетителе старого знакомого. – Ты?

– Я.

– Ну ты даешь! – Леха выдержал паузу, и на лице его все еще царствовало недоумение и недоверие к увиденному. – Ты – живой?

– Да, – кивнул Виктор. – И ты?

Леха горько усмехнулся.

– И я... Только бегать трудно... – и он бросил взгляд на подкатанные и приколотые чем-то вверху штанины камуфляжа. – Ну присаживайся, я тебе кофе сварю!

Виктор оглянулся на зал.

– А! Слышишь, зайди туда, – он кивнул на открытые двери, из которых сам выехал. – Там есть кресло на колесиках... Для гостей.

Виктор зашел в подсобку и увидел три складных никелированных инвалидных кресла, аккуратно стоящих под стенкой. Взял одно, быстренько разложил. С горечью в душе он сел в «гостевое» кресло, положил ладони на никелированные внешние ободья больших колес. Толкнул ободья, и кресло поехало к двери. Выехал к барной стойке и уперся в кресло Лехи, умело управлявшегося с кофеваркой.

Леха обернулся.

– Не дури! Иди выбери столик и присаживайся!

Виктор встал на ноги, поднял и пронес над головой Лехи легкое инвалидное кресло, опустил его уже за барной стойкой возле ближнего столика. Снова уселся. Теперь все стало на свои места – «журнальные» столики оказались идеальной высоты для сидящих в инвалидном кресле.

Минуты через две из-за барной стойки выехал Леха. На приделанном к его креслу подносике стояли две кофейные чашки и сахарница.

Он лихо подкатил к столику, неведомым способом тормознул и быстрым жестом поставил перед Виктором чашечку с кофе.

– Ну вот, – сказал он, размешивая в своей чашке сахар. – Что-то теряем, что-то находим...

– Ты стал философом? – спросил Виктор. Кафе ему больше не казалось странным.

– А что остается? – развел руками Леха.

Виктору вдруг показалось, что руки у Лехи стали намного длиннее прежнего. Длиннее и жилистее.

– Расскажи, что случилось, – попросил Виктор.

– Сапер ошибается один раз, а потом – в лучшем случае – всю оставшуюся жизнь вспоминает об этой ошибке... Вот и я теперь вспоминаю... Такие похороны испортили! Короче – моего шефа и его двух ближайших разнесло на кусочки, а меня только укоротило. И сразу – ни ног, ни денег. Хорошо, друзья помогли, – он окинул взглядом кафе, – без дела не остался... Теперь вот тут хозяйничаю.

Дальше Леха поведал Виктору, что кафе формально принадлежит Обществу военнов-интернационалистов, поэтому налогов не платит. Проверяющих здесь тоже никаких не бывает. Место, мол, тупиковое. А рядом – общежитие, где инвалиды войны в Афганистане живут. Думали они еще спортивный клуб инвалидов организовать, но пока руки не дошли. А вообще у них «колясочников» на хорошую олимпийскую сборную хватит. И у всех – крепкие руки.

– А что с Мишей? – задал наконец Виктор свой главный вопрос.

– С пингином?.. – Леха задумался, почесал за ухом. – Лажа с ним получилась... Знаешь, у моего шефа перед его последними похоронами проблемы возникли – кто-то подставил нас. Получили несколько вагонов спиртного без документов, на триста тысяч зеленых. Документы должны были на следующее утро подвезти, а ночью кто-то УБОП на нас натравил и все конфисковали. Даже выкупить не удалось. Потом еще пару раз такие же истории. В результате – долг почти в миллион баксов. А деньги шеф был должен одному москвичу, который тут несколько бензоколонок поставил... Ну вот он в счет долга твоего Мишу забрал – у него под Москвой в поместье частный зоопарк... Тут уж я ничего сделать не мог...

– А как этого москвича найти?

– Да он теперь у себя, в белокаменной. Бензоколонки у него один наш депутат отобрал... короче, вытеснили его с Украины.

– А зовут его как?

– Ты что, серьезно?

– Ну да.

Леха покачал головой.

– Кличка – Сфинкс. По паспорту – Ковалев Илья... У него в Москве банк – Коммерческий Газовый... Ты хоть понимаешь, что это такое?

– Что такое банк? – Виктор пожал плечами. – А что тут понимать? Банк – значит, много денег...

Леха отрицательно мотнул головой.

– Банк – это собственная разведка, собственная армия, возможность купить кого угодно и угробить кого угодно так, что ни в одном сейфе не найдут...

Виктор тяжело вздохнул.

– Но ты ведь знаешь, что тебя искали?

– Знаю, – сказал Виктор.

– И вот так свободно по городу ездишь?

– А что мне делать? – спросил Виктор. – Я хочу Мишу найти.

– Это – любовь! – пошутил Леха.

В это время в кафе въехали на креслах-колясках двое парней, тоже одетых в камуфляж. Леха бросил на них взгляд, и выражение его лица мгновенно стало сосредоточенным.

– Привет! – выдохнул, подъехав к их столику, первый «колясочник». Посмотрел внимательно на Виктора, потом возвратил взгляд на Леху. – Ты Потапычу звонил?

– Звонил, он через час подкатит.

– Тогда сделай нам кофейку!

Леха посмотрел задумчиво на Виктора.

– Подъездь к стойке, – сказал ему негромко. И сам, развернув кресло-коляску, поехал к бару.

Виктор подкатил к стойке и получил от Лехи бумажку с его телефонным номером.

– Звони, если что. Или на кофе заходи! – проговорил Леха, давая понять, что Виктору пора уходить.

Виктор сложил кресло, занес его в подсобку и, кивнув на прощанье, покинул кафе «Афган», сопровождаемый внимательными взглядами двух «колясочников», у одного из которых имелась одна нога, а у другого – ни одной.

11

Вечером Сергей Павлович усадил Виктора за стол в гостиной. Приказал одному из своих телохранителей принести бутылку красного бургундского и сыра. Так красиво началась первая беседа с кандидатом в члены парламента, от которого пока нельзя было убежать. Собственно, Виктор и не думал пока никуда убежать. Интуиция подсказывала ему, что хозяин – человек более или менее порядочный, или, по крайней мере – человек слова. В клетку Виктора никто не сажал, в город его отпускали. То есть был он почти свободен. Разве что оба паспорта лежали где-то в сейфе хозяина, а значит, и он был привязан к этому сейфу. Ведь даже в Москву без паспорта не поедешь! Но если не думать об этом, то пока все было нормально. Хозяин нашел ему Леху. Леха рассказал о москвиче-банкире, о его частном зоопарке. То есть ему уже как бы заплатили авансом за ту работу, которую предстояло сделать для Сергея Павловича. В этом тоже был знак доверия.

И вот беседа началась. И терпкое красное вино с твердым, чуть горьковатым сыром – все было к месту. Расслабляло, создавало приветливую атмосферу полного взаимного доверия.

– Завтра приедет бригада имиджмейкеров из Москвы, – произнес, попивая вино, хозяин. – Ты должен быть в курсе их мыслей и давать мне собственные комментарии. Что-то не нравится – сразу находишь меня и объясняешь! Понял?

– Хорошо, – кивнул Виктор.

– Кроме того... Ты же в политике понимаешь. В газете ведь работал?

– Не то чтобы понимаю, я ведь не статьи писал...

– Не надо! – резко махнул рукой Сергей Павлович. – То, что ты писал, и есть политика! Но это скорее политика в действии. А мне надо сейчас усвоить политику обещаний... Понимаешь? Карьеру в политике начинают с обещаний. Давай объясняй мне: что надо обещать?

– Обещать кому? Народу? – переспросил Виктор.

– Выбирает-то народ, значит – народу!

Виктор задумался, вспомнил мельком читанные когда-то программные обещания депутатов.

– Ну, народ у нас разный... Бедным нужны деньги, голодным – еда, сытым – удобства и снижение налогов...

– Ты помедленнее! – перебил его Сергей Павлович. – Умные ведь вещи говоришь, их запоминать надо... Значит, так... Нет, ты подожди!

Сергей Павлович окликнул своего охранника и попросил его принести ручку и бумагу. Тот принес.

Выпив еще немного вина, Сергей Павлович поправил перед собой листок бумаги, занес над ним ручку и поднял взгляд на Виктора.

– Давай по порядку... Бедным нужны деньги, – повторил он и записал. Снова обратил взгляд на Виктора. – Голодным – еда... Сытым... А как ты определяешь: кто сытый, а кто нет?

Тут уже Виктор задумался.

– Сытый – это я образно... Можно сказать – богатым.

– Нет, подожди! – Сергей Павлович опустил ручку на листок бумаги. – Мне кажется, что тут ты упрощаешь! Сытые и богатые – это не совсем одно и то же. То есть богатый – всегда сытый, если он не на диете... А вот сытый – не всегда богатый! А что это значит?

– Значит, что сытых намного больше, чем богатых!

– О! А это значит, что сытые нам важнее, чем богатые. Во-первых, потому, что богатых мало, во-вторых – они голосуют сами за себя...

Виктору этот разговор нравился все больше и больше. Отметив сразу же остроту ума хозяина, он обрадовался и за себя – похоже было, что и к его мыслям Сергей Павлович прислушивается внимательно и конспектирует их, словно это какая-то очень полезная лекция.

– Выходит, для богатых ничего обещать не надо... Это уже потом, когда вы станете депутатом – тогда надо будет постоянно что-то богатым обещать, без этого не выйдет!

– Ну, это мы еще посмотрим, хотя я все понимаю, – кивнул Сергей Павлович. – Давай по порядку, только подробнее. Вот наши БЕДНЫЕ, – он подчеркнул это слово на своем листе бумаги. – Давай составлять список обещаний для них. Ведь и дурак понимает, что деньги на улице никому раздавать не будут!

– Будут, – не согласился с хозяином Виктор. – Будут перед выборами. По крайней мере, по десятке гривен на брата. За голосование. Уже раздавали...

– Разве это деньги? – удивился хозяин. – Это же просто подкуп избирателей, а мне сейчас нужны предвыборные обещания! То есть – программа!

Виктор вздохнул.

– Тогда надо какие-то экономические обещания, новые рабочие места, новые фабрики и заводы, льготные кредиты для начинающих предпринимателей...

– Ну вот видишь, ты все знаешь! Так, – он подсунул Виктору свой листок и ручку. – Давай завтра к вечеру сделаешь текст программы, а вечером его обсудим, может, и этим москвичам подсунем посмотреть. Кстати, ты знаешь, чем они должны заниматься, эти имиджмейкеры? А то денег они просят до хрена, а что делать будут – непонятно...

– Сергей Павлович, они разные бывают... Скажут прическу поменять, еще что-нибудь, галстук другой купить... Тексты выступлений тоже должны придумывать...

– Понятно, – кивнул хозяин. – Ладно, пошли в бильярдную. Голову переутомлять нельзя! Надо жить, как Толстой: попахал – и за стол с ручкой в руке!

Они спустились в подвал. Молчаливый охранник в легком черном костюме и в белой рубашке без галстука опустил на зеленое сукно стола треугольник, наполнил его костяными шарами, снял рамку и услужливо отошел.

– Спасибо, Паша! – кивнул Сергей Павлович. Взял со стойки кий, посмотрел внимательно на Виктора. – Давай ты разбивай, а то опять простоишь без дела!

Виктор разбил пирамиду, но ни один шар в лузу не попал. После этого ему действительно пришлось простоять без дела несколько минут. Потом сыграли еще три партии, и в последней Виктор, к своему удивлению, закатил три шара.

– Видишь! – обрадовался за него хозяин. – Это уже кое-что! Учись дальше! Это называется – обмен опытом. У меня большой бильярдный опыт, а у тебя – газетный. Вот и будем меняться!

12

Следующее утро с рассветного часа напомнило об осени. За окном колыхалось молоко тумана. Ничего больше не было, ни деревьев, ни забора, ни шума городского. За окном была осень, она придавила собой все, что копошилось на земле и над землей. Ей было наплевать на суету. Просто пришла пора тормозить жизнь перед зимней спячкой. Животные к этим знакам прислушиваются, для них это – закон природы. Для людей – сезонная помеха. Для детей – радость разнообразия.

Виктор долго смотрел на туман из окошка своей мансардной комнатки на третьем этаже особняка. Кажущееся отсутствие жизни за окном радовало его. И он подумал, что вот именно так, наверно, стоит сейчас перед окошком его квартиры Сонька и смотрит на этот туман любопытными глазенками.

Промелькнувшая в мыслях Соня вернулась вдруг с укором. Вспомнил Виктор, что еще несколько дней назад обещал позвонить ей.

Спустился на кухню, нашел в хозяйском холодильнике открытую банку маслин и сардельки. Завтрак получился на славу. В доме было тихо – никаких признаков жизни. Только когда Виктор вышел в коридор, сразу заметил охранника Пашу. Подошел, поздоровался, обмолвился парой ничего не значащих слов. С Пашей они уже здоровались кивками, как старые соседи. Про него Виктор знал только то, что закончил он Институт физкультуры и был мастером спорта по биатлону, выступал в молодежной сборной, а потом пришел на работу к Сергею Павловичу. На вопрос: «можно ли позвонить отсюда?» Паша лениво по-барски махнул рукой в сторону телефонного аппарата, стоявшего на тумбочке в передней.

Виктор набрал свой номер телефона. Длинные гудки продолжались с полминуты, но потом звонкий голос Сони выкрикнул запыхавшееся «Алло!».

– Соня? – обрадовался Виктор.

– Дядь Витя!

– Да, я. Я Мишу нашел!

– А где он?

– Он в Москву уехал...

– Зачем? – из трубки прозвучало грустное удивление.

– Он там работает, в зоопарке...

– А кем?

– Пингвином.

– А разве так можно? – спросила Соня, и этот вопрос тут же вызвал у Виктора улыбку.

– Ему можно...

– Но ведь я не могу работать Соней, если я уже Соня! – не унималась девочка.

– Я тоже не могу работать Витей, – сказал Виктор. – Но пингвин может работать в зоопарке пингвином, а слон – слоном. Животным разрешается работать самими собой...

– Да?! Ну ладно, – сдалась девочка. – А я бы хотела работать Соней, всю жизнь...

– И что бы ты делала?

– Ну не знаю, была бы Соней с утра до вечера.

– Сонечка, это очень трудно, работать самим собой...

– Я знаю!

Разговор обогнал время, и Виктор забыл о часах и минутах. Смешной диалог бодрил и смешил его, а когда под конец Соня попросила мороженого, а в ответ на один из вопросов Виктора сообщила, что она уже сама в метро ездит и по городу ходит, договорились они встретиться через час на автобусной остановке возле его старого дома.

13

К полудню туман рассеялся и над Клевом снова засветило тусклое осеннее солнце. В Гидропарке чувствовалась инерция лета – словно этот пляж-островок являлся южной окраиной Клева и там всегда было на несколько градусов теплее, чем в других районах города. Поэтому и мороженщиков на квадратный километр в Гидропарке было в несколько раз больше, чем в других местах. И уж совсем логичным показалось желание Сони начать прогулку по этому парку с «пломбира в шоколаде».

– А ты постарел! – было первое, что сказала Соня, откусив мороженое.

– Ты тоже! – ответил Виктор.

– А мне не страшно! – улыбнулась Соня. – А тетя Нина тоже постарела!

– И как же она постарела?

– Ворчит все время и с дядей Колей ругается!

– Да? – удивился Виктор. – И из-за чего же они ругаются?

– А он не всегда домой приходит! Он сам из Одессы... Все время туда ездит, обещает ракушки привезти и все время забывает...

– Ну а тете Нине что он обещает?

– Обещает больше не ездить... И снова ездит...

– Да! – вздохнул Витя. – Значит, тетя Нина им недовольна?

– Ага! – кивнула Соня, шагая на метр впереди Виктора и уводя его с центральной аллеи гидропарка в сторону. – Она уже его чемодан за дверь выставляла!

– Ну да! Значит, вы весело живете! – покачал головой Виктор.

– Не весело, – остановилась вдруг Соня. – Совсем не весело! Тетя Нина обещала меня в садик отвести, потом обещала няню найти...

– И ничего не сделала?

– Нет!

– Ну я с ней поговорю! – сердитым голосом пообещал Виктор.

– Не надо, – произнесла Соня с совершенно взрослой интонацией. – Ты лучше ее выгони!

– Как же ее выгнать? – удивился Виктор.

– Ну это же ты ее привел, чтобы она со мной гулять ходила? А она уже давно со мной не гуляет!.. Ладно, пошли возьми лодку!

Виктор оглянулся по сторонам и только в этот момент заметил, что они находились рядом с пунктом проката лодок.

Потом плыли они на лодке до самого моста Патона. Виктор сидел на веслах, а Соня, давно доевшая мороженое и облизавшая пальцы, сидела на корме и продолжала рассказывать о своем житье-бытье. И от этого рассказа развивалось у Виктора новое чувство вины – теперь он переживал за Сонию и сердился на Нину. И не из-за того, что в его квартире появился вдруг какой-то одесский дядя Коля. Сердился потому, что даже маленькая Соня знала – зачем и почему появилась когда-то Нина, а сама Нина об этом, по-видимому, уже забыла. Но что можно сделать? Вернуться к себе домой, выгнать Нину с дядей Колей и зажить вдвоем с Соней? По крайней мере сейчас это было невозможно. И уж лучше пускай Соня побудет пока хотя бы под таким присмотром, чем останется совсем одна в его квартире. Да и как это можно взять и выгнать Нину с ее ухажером? Нет, думал Виктор, вообще-то, конечно, можно их выгнать. Ведь квартира эта – его. Но...

– А ты все-таки поругай ее! – прервала раздумья Виктора Соня. – Ты ее в угол поставь, а этого дядю Колю сам выгони! Она его не выгонит! Она его боится...

– Как же она его боится? Ведь чемодан за двери выставляла?

– Ну да, – кивнула Соня. – А потом он на нее зарычал, и она чемодан обратно в комнату отнесла!

– А он что, тоже на нее кричит?

– И кричит, и по попке ее шлепал! Сильно. Она даже плакала!

Виктор перестал грести, опустил весла на воду и внимательно посмотрел Соне в глаза.

– А тебя они не обижают?

– Нет... Они мне не мешают... Только если ночью ругаются, то я просыпаюсь... И кушать иногда не оставляют...

– Ну я с ними поговорю! – совершенно серьезно пообещал Виктор, и в голосе его прозвучали нотки настоящей угрозы.

Соня довольно улыбнулась. Она почувствовала, что дядя Витя свое обещание выполнит.

14

В полночь домой вернулся Сергей Павлович и сразу затребовал Виктора к себе.

Виктор к очередному «уроку» был готов как нельзя лучше. Вернулся он в Голосеево сердитым и решительным и, чтобы как-то вытравить из себя раздражение на Нину и этого «мутного» то ли милиционера, то ли сторожа дядю Колю, сразу уселся за работу. На шести листах белой бумаги развел он такую предвыборную пропаганду, что, перечитав, даже сам удивился и, можно сказать, был тотчас готов идти голосовать за кандидата, чьи предвыборные обещания и планы только что придумал, составил, укрепил своим слогом и фантазией.

Сергей Павлович был чем-то удручен. Исписанные листы он взял в руки с некоторой неохотой. Пробежал первые строчки глазами и заинтересовался. Его лицо приобрело сосредоточенное выражение, и так, молча, дочитал он текст до конца, после чего расслабился, вздохнул с облегчением и посмотрел на Виктора.

– Грамотно! – кивнул он, пожевал в раздумье губами. Потом продолжил: – Имиджмейкеры приезжают завтра утром... И начинаем работать по-серьезному. С утра никуда не уходи!

Виктор кивнул и тут же поймал на себе какой-то особый, наигранно заботливый взгляд хозяина.

– Ты что-то сегодня не в себе?

Виктор скривился, кивнул, а потом легко, без принуждения рассказал вкратце о Нине и вообще о ситуации со своей квартирой.

– Да, братец! – только и проговорил Сергей Павлович.

Помолчал.

– Видишь, ты сразу несколько статей Закона улитки нарушил... вот и последствия! Незнание Закона улитки не освобождает от последствий!.. Запомни статью третью – в свой домик чужих, получужих и полусвоих впускать запрещается. Теперь смотри, что у тебя получилось! Ты оставил в своем домике полусвоих, вернулся, а там – чужие! Что это значит?

Виктор пожал плечами.

– Это значит, что ты не разбираешься в людях или просто не хочешь к ним присматриваться! Кто для тебя в этой компании ближе всех?

– Соня.

– Понял... Завтра... Нет, завтра много дел. Послезавтра получишь ключи от своей квартиры обратно.

– А как же с Соней? Она что, одна там останется?

– Что-нибудь придумаем. Но ты-то все равно пока будешь жить здесь.

15

Имиджмейкеров привезли утром на черном джипе. Вещей у них с собой было немного – несколько спортивных сумок и три коробки, в которых, по словам главного имиджмейкера Жоры, находился передвижной мозг их бригады – какой-то особый навороченный компьютер. Кроме Жоры в бригаду входили еще три имиджмейкера – один компьютерщик по имени Слава и два шустрых брата-близнеца Сергей и Вова. Близнецы были самыми молодыми – на вид им можно было дать не больше двадцати – двадцати двух лет. Жоре – их главному – было лет тридцать. Компьютерщик Слава – внешне типичный школьный отличник, только подсохший и ссутулившийся, – смотрел на мир сквозь линзы очков уставшими глазами. Он, должно быть, через годик-другой тоже готовился разменять четвертый десяток.

Сергей Павлович прошелся с Жорой по дому. Жора внимательно заглядывал во все углы – он выбирал место для штаба своей бригады.

– А что, компьютеров у вас вообще нет? – спросил он удивленно, закончив осмотр дома.

– А зачем мне компьютеры? – Хозяин посмотрел на имиджмейкера с ухмылкой. – Компьютерные игры я не люблю, играю только в живую...

– А информацию где храните?

Сергей Павлович стукнул пару раз указательным пальцем правой руки по своей голове.

– Вот тут храню.

Жора разочарованно кивнул.

С комнатой определились минут через пять, после чего бригада внесла свои сумки и компьютер в бывшую детскую на втором этаже.

К этому времени Виктор спустился вниз, и хозяин представил его имиджмейкерам как своего помощника.

Жора тут же проявил к Виктору интерес и уважение. Крепко пожал его руку, представил своих ребят. Завтракали они вместе в гостиной. Сыр, колбаса, свежая булка, кофе. Хозяин посидел минут пять со всеми за столом. Задумчиво изучал лица жующих имиджмейкеров. Выпил чашку кофе и вышел.

После завтрака Жора захотел покурить и жестом вызвал Виктора за собой во двор. Достал пачку «Галуза», закурил.

– Слушай, ты тут давно? – спросил он.

– Не очень, – ответил Виктор.

– Но уже освоился?

– Освоился.

– Ну и как тебе шеф?

– Нормальный.

– Не жадный? – продолжал, покуривая, свой допрос Жора.

– Вроде нет...

– Это хорошо... Я жадных не люблю... А тебе сколько отстегивает?

– Хватает...

На лице Жоры возникли признаки утомления. Он пристально посмотрел Виктору в глаза.

– Ты не бойся, мы ж по одну линию фронта... Просто мне для успешной работы нужно знать... Понимаешь, у каждого заказчика свои бзики... подводные камни там разные... Так что ты лучше предупреди...

– Да нормальный он мужик...

– Ну а конкуренты у него серьезные?

– Черт его знает, – Виктор пожал плечами. – Наверно...

– Но без войны?

– В каком смысле?

Жора бросил окурочек «Галуза» под ноги, придавил носком модной тупоносой туфли и с излишним усилием вдавил его в гравий – на лице его при этом на мгновение возникло ожесточенное выражение, тонкие губы скривились, но тут же он вернул черты лица в «исходное положение». Поднял на Виктора взгляд, внезапно ставший безразличным.

– В каком смысле? В смысле: жертвы уже были или пока нет?

– Был случай на охоте, – спокойно ответил Виктор. – Несколько дней назад.

– И кого убили?

– Его зятя...

– Ага... – Жора задумался. – Ты мне про такие вещи сообщай, я в долгу не останусь...

– Хорошо, – пообещал Виктор.

После разговора с Жорой у Виктора остался на душе не очень приятный осадок. Слово «война» прозвучало в их разговоре как-то уж очень обыденно. И так же обыденно из уст Виктора вылетел «случай на охоте». Он стоял на пороге дома, думая о том, что ведь и в самом деле находился он сейчас на фронте. Ведь любые выборы в нынешних условиях оказывались войной двух или более армий. Территорию во время этих предвыборных боев не захватывали, отстреливали только врагов-конкурентов. Как в крупном бизнесе. Поэтому линии фронта не было, а если быть точнее – она была везде, где оказывался случайно или, наоборот, специально один из участников предвыборных военных действий.

На улицу вышел Сергей Павлович. Наткнулся на задумчивого Виктора.

– Чего без дела стоишь? – спокойно спросил он. – Иди к ребятам! Я им твой текст дал почитать!

Виктор вернулся в дом. Заглянул к имиджмейкерам. Там вместо детской кроватки уже стоял письменный стол, а на нем – компьютер. Возле компьютера возился с проводами Слава. Рядом на диванчике сидел Жора, читал программу, написанную им, Виктором. Поднял глаза на вошедшего, кивнул приветливо, дочитал до конца.

– Шеф одобрил? – спросил Жора, снова подняв взгляд на Виктора.

– Да.

– Классная концепция! Такая штук пять стоит!.. Мы ее в компьютер загоним, распечатаем... плакатики смакетируем... Кстати, можем на ней еще немножко бабок поднять... А?

– Как? – поинтересовался Виктор.

– У меня в компьютере с полсотни разных предвыборных программ сидит, партийных, беспартийных, популистских, каких хочешь! А в твоей есть идейки, которые мне еще не попадались... Мы недавно гомельского мэра делали, так он тоже просил обещания позакорыстее выдумать. Только ведь народ в Гомеле простой. Я ему прямо так и сказал – надо тупо обещать бабки! Это народ понимает. Бабки и на шару! Он послушался нас и теперь мэртвует себе на здоровье. Ты ловишь смысл? – Жора уставился в глаза Виктору.

– Нет. Не ловлю...

– Ты написал программу для продвинутого округа... Для Москвы, для Киева... Твой же в Киеве избираться будет?

– Не знаю, – признался Виктор.

– Ну ты даешь! – Жора смерил Виктора разочарованным взглядом. – Он тебе что, ничего не рассказывал?

– Пока нет...

– Тогда ой!.. А настроение у него сегодня нормальное?

– Нормальное.

Жора покивал сам себе и вышел из штаба своей бригады. В комнате Виктор остался вдвоем со Славиком, который уже включил компьютер и щелкал по клавиатуре, придвинувшись почти вплотную к экрану монитора.

«Интересно, а где близнецы?» – подумал Виктор оглядываясь.

Потом подошел к компьютеру. Заглянул через сутулое плечо Славика на экран. Слава просматривал названия файлов. Почувствовав на шее дыхание Виктора, оглянулся.

– А интернет у тебя есть? – спросил Виктор.

– Есть, – кивнул Славик. – Только надо к телефонной линии присоединиться... Это через полчаса сделаем...

– А там, – Виктор кивнул на компьютер, – действительно полсотни предвыборных программ?

– Больше.

– Дай парочку почитать!

Славик удивленно оглянулся.

– Нельзя, – спокойно произнес он. – Это же коммерческая информация... Программы денег стоят...

– А вы что, продаете их?

– Конечно, а что еще с ними делать? – Славик отвлекся от монитора, снял очки и протер их носовым платком. – Нет такой программы, которую нельзя было бы раза по три продать! Главное – уехать до того, как победитель начнет воплощать ее в жизнь.

– Почему?

– Это я так, – отмахнулся компьютерщик. – Шучу. А в принципе главное правило имиджмейкера – смотреться до объявления результатов выборов. Потому как если заказчик не победил – он достанет, а если победил, то достанут друзья конкурентов... Такая жизнь, – Славик развел руками. – На войне – как на войне, без семьи один в седле...

– А где ваши близнецы? – спросил Виктор.

– Да Жора их куда-то послал...

16

Поздним вечером Виктор снова играл в бильярд с хозяином. Кий Виктор держал в руках уже намного увереннее и даже время от времени использовал его в деле, гоняя шары к лузам, куда они иногда падали.

– Ну как тебе имиджмейкеры? – спрашивал его Сергей Павлович, одетый в этот раз непривычно строго для столь позднего часа: в хорошо выглаженные черные брюки и белую рубашку с бабочкой.

– Не знаю, – неуверенно отвечал Виктор. – Я таких деловых раньше не встречал... Так вроде нормальные...

– Но ты бы им полностью доверял?

– Нет, – решительно вырвалось у Виктора.

– Вот это интересно! – Сергей Павлович разогнул спину, проследил за парой костяных шаров, вкатившихся паровозиком в дальнюю лузу, снова посмотрел Виктору в глаза. – А тут ты прав. Нельзя доверять тем, кому много платишь! А особенно тем, кто так любит роскошь... Они сегодня попросили самую лучшую в городе сауну для них организовать... Стресс снять. Ты, когда с ними разговаривал, заметил, что они были в стрессе?

– Нет.

– И я не заметил. Но сауну организовал... Ты сауну любишь?

– Не знаю... Всего пару раз был.

– Но тебе понравилось?

– Вроде да...

– Паша! – крикнул в сторону лестницы хозяин. – Сауну включи!

Потом обернулся к Виктору.

– У нас тут тоже сауна есть. Только скромная, электрическая...

Часа через полтора они с хозяином уже сидели в маленькой уютной кабинке сауны, находившейся тут же в подвале, как раз между бильярдной и подземным гаражом. Сидели голые на подстеленных полотенцах. Потели. Сергей Павлович вылил на горку сложенных за деревянным заборчиком раскаленных булыжников кружку воды с добавленным в нее ароматическим маслом лаванды.

Тут же сухой горячий воздух наполнился приятным шелковым вкусом, осевшим на языке.

– В каждом действии есть не раскрытый до конца потенциал удовольствия, – медленно и расслабленно говорил Сергей Павлович. – В сексе, в принятии душа, в игре в бильярд. В сауне он неисчерпаем... А все действия, которые человек совершает после сауны, – это Клондайк удовольствий!..

В два часа ночи Сергей Павлович, снова одетый в выглаженные брюки и белую рубашку с бабочкой, уехал на свой Клондайк удовольствий – на свидание. Он так прямо и сказал Виктору: «Вернусь утром в состоянии выжатого лимона!» Паша сел за руль джипа, и Виктор остался в доме один. Или, по крайней мере, так ему казалось. Ночная тишина, однако, не нагоняла сон. После сауны Виктор пребывал в бодром состоянии.

Поднялся на свою мансарду. Включил свет. Прилег. Вспомнил об Антарктиде, о Брониковском, о пингвине Мише. Подумал о том, что несколько часов назад наступил тот день, когда хозяин пообещал передать ему ключи от его квартиры, уже очищенной от «чужих», то есть от Нины и ее парня. Задумался о Нине. Поискал в своей душе сомнения, жалость к ней. Все-таки она была племянницей погибшего Сереги. Но ни жалости, ни сомнений в себе Виктор не отыскал. Больше его волновало, как быть с Соней. Но и тут волновался он недолго. Просто вспомнил обещание Сергея Павловича «что-нибудь придумать» и сразу успокоился. В том, что

хозяин слов на ветер не бросает, Виктор уже убедился. А значит – можно спокойно жить под этой крышей и исполнять несложную и не совсем конкретную работу, пока не наступит естественное окончание неписаного «контракта», согласно которому Виктор временно обменял свободу и дорогу на домик и превратился в законопослушную улитку, или, если быть точнее – в улитку, подчиняющуюся Закону улитки.

Перед сном Виктор достал письмо банкира Брониковского. Прочитать это письмо раньше ему мешали какие-то смутные соображения порядочности и морали. Но теперь, из-за остановки в пути, он даже объяснение своему любопытству нашел. И вполне приемлемое – захотел проверить: а нет ли в письме чего-то срочного, каких-нибудь скоропортящихся просьб, исполнить которые надо было бы до определенной даты.

«Маринка, милая!

Извини тысячу раз. Я очень далеко и, видимо, здесь и останусь. Парень, который передаст тебе письмо, расскажет обо всем. А пока у меня к тебе несколько последних просьб. В этот раз действительно последних. Отыщи Федю Седых и скажи ему, что в его неприятностях я не виноват. Меня подставил Литовченко. Зачем мне с чужими грехами на тот свет! Маме моей скажи просто, что я прячусь за границей и прятаться буду долго. Брату можешь сказать правду. А правда печальна – когда вы получите это письмо, меня уже не будет... Станным образом меня достали и здесь. Через повара. По ночам – страшные боли, к утру – затихают. Могли бы эти сволочи взять что-нибудь мгновенно действующее! Нет, захотели, чтобы я помучился... Извини, что опять о себе...

Денег вам должно хватить надолго. Парень передаст вам кредитку. И скажет ПИН-код. Ну вот и все, обнимаю. А на похороны мои придут тысячи королевских пингвинов... Шучу. В последний раз.

*Целую тебя крепко-крепко,
Борис».*

Дочитав письмо, Виктор тяжело вздохнул. Лежал на спине на диванчике, вспоминал Антарктиду, Брониковского, толпы пингвинов, среди которых для полного и массового пингвиньего счастья не хватало только «блудного сына» Миши. «Хоть бы уже быстрее эти выборы, – подумал Виктор. – Быстрее бы на свободу, в дорогу, на розыски пингвина!» И конечно, тоже очень важное дело – это письмо. Даже как-то кстати, хоть совпадение это веселым не назовешь, что и получатель письма живет в Москве, и пингвин Миша там же оказался!

Часа через полтора во двор въехала машина, и через открытое мансардное окошко услышал Виктор веселый и пьяный голос главного имиджмейкера Жоры. За те неполные пару минут, пока выходили они из машины и заходили в дом, различил Виктор голоса всех имиджмейкеров и одного из охранников Сергея Павловича, который, по всей видимости, и возил бригаду в сауноу.

Наутро Виктор завтракал один. Около девяти утра на кухню заглянул хозяин в тех же брюках и белой рубашке с бабочкой. На лице – улыбка и усталость.

– Сделай-ка и мне кофейку, – попросил он Виктора и исчез.

Появился минуты через три, уже переодетый в спортивный костюм. Присел рядом, поблагодарил за кофе. Насыпал в чашку пол-ложки сахара, размешал.

– Ну как там? – спросил он.

Виктор пожал плечами.

– Вы же больше заданий не давали...

– И меньше не давал, – улыбнулся Сергей Павлович. – Да ты не беспокойся... Я так просто спросил... Твое главное задание сейчас – за этой бригадой присматривать. Может, чему-нибудь полезному у них научишься... Они давно вернулись?

– Ночью, часа в два... Сергей Павлович, а выборы когда?

– Выборы? Скоро. Через две недели, – хозяин вдруг глубоко задумался, и усталость возвратилась на его лицо.

– Но это же совсем скоро...

– Ага, скоро... Да ты не беспокойся, ты что, думаешь, я со своими избирателями не встречался?.. Тут другая проблема – конкурент мой свою игру затеял. Время тянет, никаких плакатов не вешает, только листовки в почтовые ящики бросает, и, что странно, ни одного плохого слова обо мне... А это неприятно...

– Может, порядочный человек? – предположил Виктор и тут же, встретившись с удивленным взглядом Сергея Павловича, понял, что сморозил очевидную глупость.

– Что такое выборы? – спросил негромко Сергей Павлович. – Это конкурс по плевкам в длину. Понимаешь? Он должен доказать, что я – плохой, я должен доказать, что я – лучше, чем он.

– Но вы же ничего никому не доказываете?

– Да не моя это работа – доказывать! У меня сорок человек выборами занимаются! – рассердился хозяин, но его рассерженность не была направлена на Виктора. – Мое дело – быть во всем чистом, с галстуком и побритой физиономией. Вот и все мое дело!..

В коридоре слышались шаги, и в кухню забежал охранник Паша. В руке он держал свернутый трубочкой плакат. Передал его Сергею Павловичу. Тот развернул и уставился на предвыборную агитку своего конкурента. Вдруг лицо хозяина исказилось, он резко обернулся к Паше, застывшему у столика.

– Вы что, не знали, где он это печатать будет?

– Он не здесь печатал... В Белой Церкви...

– Мудак, – выдохнул Сергей Павлович. – Что делать теперь?

Он перевел взгляд с Паши на Виктора. Виктор, не понимавший в чем дело, сидел с оторопевшим лицом.

– А что там? – осторожно спросил он.

Хозяин передал ему плакат. Плакат как плакат. Нейтральное лицо с низким лбом и короткой прической. Ровный нос, во взгляде – холодный цинизм, но без агрессии. В тексте предвыборной программы – сплошная банальщина. Вплоть до обещания за пять лет решить жилищные проблемы своих избирателей за счет государственного инвестирования жилищного строительства.

Виктор поднял вопросительный взгляд на хозяина.

– Ты ни хрена не понял? – кивнул Сергей Павлович и вздохнул. – К морде присмотришь!.. Погоди! Паша, принеси-ка фотки из нашего архива!

Паша вскоре вернулся с большим коричневым пакетом. Вытащил оттуда десятка полтора снимков большого формата. Передал Виктору.

Виктор задержал взгляд на одной из фотографий – это был пикниковый снимок мужчины, внешне очень похожего на предвыборного конкурента.

– Это что, его брат? – спросил Виктор.

– Это он и есть.

Виктор опустил фотоснимок рядом с плакатом и сразу понял причину столь внезапной смены настроения у Сергея Павловича.

Лицо на плакате отличалось американской чистотой кожи и греческой правильностью черт. То же лицо на фотографии было украшено длинной линией шрама на правой щеке и кривым, сбитым в сторону, боксерским носом. В остальном же различий не было.

– Так, даю вам полчаса! Думайте, что с этим делать! Я понятно сказал? – Сергей Павлович скользнул резким взглядом по охраннику, потом перевел взгляд на Виктора. – А ты пойдешь разбуди эту бригаду и поставь им задачу. Пускай тоже думают! Чтоб через полчаса доложили мне, как вернуть шрам на место!..

Хлопнула дверь, и охранник с Виктором остались одни. Паша тяжело вздохнул.

– Ну вот, влипли, – протянул он. – Мы же не СБУ, чтобы знать, где какие плакаты печатаются!.. А что теперь с этим делать? – и он вопросительно посмотрел на Виктора. – Что делать будем?

– Пойду Жору разбужу, – Виктор поднялся из-за стола, но взгляд Паши, в мгновение ставший жестким и колючим, усадил его на место.

– Потом разбудишь, сначала сам пораскинь мозгами!

– Ну не пририсовывать же ему шрам на каждом плакате! – Виктор пожал плечами.

– Послушай, – Паша смягчил взгляд и интонацию. – Мне платят за мышцы и верность, а тебе – за голову! Поработай ею!

Теперь уже Виктор вздохнул. Задумался. Опустил взгляд на стол, где теперь лежал предвыборный плакат без шрама и фотография со шрамом. Под ними лежал коричневый конверт с другими фотографиями конкурента. Виктор вытащил его, просмотрел снимки. Остановил взгляд на одном, где был изображен правильный, «документальный» анфас. Тут и шрам красиво выделялся на лице, и нос был кривее, чем на других фотографиях. Виктор взял этот анфас в руки, поднес поближе к глазам. Потом снова посмотрел на плакат – там тоже был анфас, и тоже «документальный», но, кроме шрама и носа, заметил Виктор еще одну важную разницу – на плакатном «очищенном» лице сияла американская самоуверенная улыбка, а на «архивном» снимке выражение лица было мрачным и губы были жестко сомкнуты, из-за чего все выражение лица казалось «беглым», словно у зажатого в углу, отравленного зверя. Эта разница показалась сейчас Виктору важнее, чем присутствие или отсутствие шрама.

– Сделай-ка мне кофе! – излишне раскованно попросил он Пашу, и тот понял, что Виктор на полпути к решению проблемы. Охранник живо поднялся, пошел к плите.

Виктор, совсем недавно так же суетившийся у плиты, готовя кофе для себя и шефа, смотрел теперь на мощную спину Паши, смотрел и думал о том, что всегда найдется кто-то, кто послушно пойдет делать кофе. И этот же человек может убедить кого-нибудь другого сделать кофе для себя. Эдакая бесконечная цепочка людей, цивилизованная иерархическая «кофейная» лестница. «Я делаю кофе для себя и для шефа, Паша делает кофе для себя и для меня, какой-нибудь Ваня будет делать кофе для себя и для Паши». Равенство и братство по нисходящей. Наверно, и кофе должен быть другим, или его должно становиться меньше?

Виктор возвратился мыслями на два анфаса. Вспомнилась телереклама стирального порошка «Тайд». Две рубашки – одна полностью отстиранная, а на другой – оставшееся бурое пятно. «Чистота – чисто «Тайд»!» Паша оглянулся, он словно почувствовал энергию мысли Виктора, которая должна была снять напряжение и у шефа, и у них самих.

А Виктор уже увлекся построению в своем воображении рекламного ролика, где вместо двух одинаковых, но по-разному чистых рубашек были изображены два одинаковых, но по-разному «чистых» лица кандидата в депутаты парламента. Ролик уже крутился в его воображении, хотя он прекрасно понимал, что решить эту проблему с помощью телевидения никто не позволит. Не тот уровень его кандидата. Но ведь информация может передаваться тысячами разных способов, вплоть до грубых надписей на заборе!

– Ну что? – с надеждой спросил Паша, наливая кофе из турки.

– Порядок! И без всяких имиджмейкеров!

– Видишь, как хорошо давать людям поспать! – усмехнулся охранник. – Давай рассказывай!

– Надо допечатать его плакаты, – Виктор улыбнулся, посмотрев в голубые глаза охранника.

Паша прищурился.

– Только в расширенном варианте, – добавил Виктор. – Точнее, это будет один большой плакат, который будет доклеиваться к его плакатам...

Паша всем своим видом показывал, что не понимает, но очень хочет понять мысль Виктора. И тогда Виктор взял «документальный» анфас со шрамом, носом и без улыбки, покрутил его в руке, как выигрышный билет лотереи «Забава». Объяснил, что его надо увеличить до размера предвыборного плаката, чтобы смотрелись они так, будто были отпечатаны одновременно. А потом сверху дать рекламу какой-нибудь косметической фирмы...

Паша ухмыльнулся, но ухмылка была «неполной». Видимо, до конца он все-таки идею Виктора не понял. Хотя что-то подсказало Паше, что этот парень действительно не дурак и шеф очень скоро сменит гнев на милость.

Шеф «въезжал» в идею Виктора медленно, но когда «въехал» – в его глазах вспыхнул пионерский задор.

– Косметическая фирма? – размышлял он вслух. – Косметика – это хороший бизнес, а раз это бизнес, значит, кому-то он приносит хорошие бабки и какая-то часть из них пойдет на выборы!.. Паша! – он обернулся к охраннику, стоявшему теперь у кухонной двери и наблюдавшему, как шеф постепенно возвращается в нормальное расположение духа. – Паша, позвони Потапычу, пусть узнает, какая косметика делится с нашим «приятелем» деньгами!

Паша вышел. Шеф перевел взгляд на Виктора.

– Молодец! – сказал он. – Бригада еще спит?

Виктор кивнул.

– Да, кстати, – Сергей Павлович достал из кармана пиджака ключ, протянул его Виктору. – Это от нового замка, от старого же у тебя есть?

Виктор молча уставился на ключ.

– Это от твоей квартиры, – пояснил шеф.

– А кто в ней сейчас? – с опаской спросил Виктор.

– Кто-кто? Твоя Соня со своей няней... Няня на зарплате и ни на что не претендует...

– Няня та, что была? – осторожно поинтересовался Виктор.

– Ну та, что ты нанимал, как ее там, Нина, что ли...

– А этот Коля?

– Коля твой оказался Сеней. Интересный тип, он у меня в гостях. Только не здесь, а на другой квартире. С ним сейчас проводят воспитательные мероприятия. Ты, кстати, когда домой заедешь, просмотри все внимательно, а то он всякое мог оставить... Он курьерничал между Одессой и Киевом. Сначала тяжелые наркотики возил, а потом на пластиковую взрывчатку перешел. На нее сейчас спрос раз в пять поднялся – выборы!

– Когда я могу домой съездить? – спросил Виктор.

Сергей Павлович посмотрел на часы.

– Через два часа тебя Паша туда отвезет и потом привезет обратно...

Заметив вопросительный взгляд Виктора, Сергей Павлович усмехнулся по-отечески:

– Ты не обижайся, он тебя не сторожить, а охранять будет. Уловил разницу? Твои мозги мне сейчас нужны в рабочем состоянии, а не разбросанные по асфальту...

17

За окнами джипа пронеслась улица Красноармейская. На площади Толстого пришлось простоять несколько минут в пробке. Потом снова без остановок. Пятнадцать минут, и вот уже съезжает джип «мерседес» с дороги, поворачивает сначала направо, потом налево.

Справа «проезжает» мимо одноэтажный мусорник, за которым на пустыре одинокой и жалкой копией Эйфелевой башни стоит голубятня, возле которой меньше года назад по снегу они с Соней и Сергеем прогуливали пингвина Мишу. Тут же где-то бегали бездомные и беззлые собаки.

Странная оторопь взяла Виктора, и показалось ему, что его в особом скафандре, в какой-то бронированной подводной лодке опустили на мгновение в прошлое. И стоит ему испугаться чего-то – дернет он невидимый шланг, идущий вверх, в реальность, и сразу вытянут его, снимут скафандр и дадут отдышаться, чтобы подумал он и решил окончательно, хочет ли он действительно спускаться в прошлое.

Машина остановилась около подъезда Виктора, и он, посмотрев внимательно Паше в лицо, понял, что Паша уже приезжал сюда и адрес знает.

– Я около трансформаторной будки буду ждать, – сказал Паша.

Виктор молча выбрался из джипа.

Перед своими дверьми помедлил. В руке держал два ключа, но взгляд его упирался в кнопку звонка. Если позвонить – все равно дверь откроют. Соня или Нина. Но тогда он сразу ставит себя в положение гостя. Его впустили, ему открыли дверь. А ведь он хозяин. Просто его, Виктора, долго не было.

Набравшись решимости, Виктор открыл ключами замки, но перед тем, как распахнуть дверь, все-таки позвонил. Потом зашел в коридор. Сразу увидел там, на полу, блюдечко с молоком. Это для кошки, которая царапается.

Скрипнула дверь в комнату, и из проема выглянула Соня, одетая в джинсовый сарафанчик с вышитым букетом роз. Прошла по Виктору взглядом снизу вверх и остановилась на его лице.

– Привет! – проговорил Виктор негромко.

– Привет! – ответила Соня.

– Ты одна?

Она отрицательно мотнула головой.

Виктор вздохнул. Разулся. Зашел в комнату и тут же застыл на месте. Комната его не принимала, она была совершенно чужой – розовые обои, зеленые гобеленовые накидки на креслах и диване, на столе – розовая скатерть с кружевной каймой.

Виктор осмотрелся внимательнее в поисках узнаваемых вещей. Подошел к столу. Сдернул скатерть, и полированное дерево столешницы словно улыбнулось ему.

– Тебе что, ремонт не нравится? – спросила Соня, стоявшая у дверей.

– Не нравится, – признался Виктор.

Соня открыла дверь в спальню и крикнула туда:

– Нина, а дядь Вите ремонт не нравится!

Виктор зашел в спальню и увидел Нину. Она сидела на двойной кровати, которой тоже раньше не было. Сидела в домашнем махровом халате. Сидела и смотрела в пол заплаканными глазами.

– Ну здравствуй, – выдохнул Виктор, ощущая в груди странное волнение.

Нина подняла на него глаза. Кивнула в ответ, прикусив губу.

– Ну чего вы как две кошки! – проговорила вдруг Соня.

– Сонечка, выйди! – попросил Виктор. – Найди кошку и поиграй с ней.

– А она на улицу пошла!

– Тогда просто выйди!

Соня вышла в гостиную, но дверь за собой не закрыла. Виктор прикрыл дверь. И теперь стоял и смотрел на молчавшую Нину.

– Ну как дела? – наконец нарушил он тишину.

– Как дела? – переспросила она со слезами в голосе. – Как дела? Все, что я нажила, все мое счастье вот так за полчаса разрушить... втоптать в грязь...

– Какое счастье? – искренне удивился Виктор. – За какие полчаса?..

– Не притворяйся! Это же ты все организовал! Я знаю! Меня предупреждали, а я, дура, не верила!..

Виктор вдруг обратил внимание на то, что Нина пополнела, и поясок, которым был подвязан махровый халат, только подчеркивал это. Спорить или говорить с ней больше никакого желания не было. Взгляд Виктора стал мрачным и холодным. Нина это тут же заметила и замолчала.

– Нет, извини... это у меня сорвалось... я просто испугалась, когда вчера пришли... Я согласна, я же вчера сказала. Я ни на что не претендую... Мне ничего здесь не нужно!

– Хорошо, – проговорил Виктор. – Сделай чай, пожалуйста!

Нина вышла. Виктор подошел к окну и посмотрел на тот же самый пустырь с голубятней и мусорником. Слева виднелся краешек низенького забора детского садика, забора, под которым он в раннем детстве похоронил своего первого умершего хомяка. В комнате было прохладно. До начала отопительного сезона еще целый месяц, да и когда начнут топить, тепло до пятого этажа добираться будет с трудом.

Скрипнула дверь. Виктор обернулся.

– Теть Нина сказала, что чай готов.

На кухне, слава Богу, все осталось, как было. Или, по крайней мере, почти все. Только на подоконнике чего-то недоставало. Чего-то очень важного.

– А где Сергей? – спросил Виктор.

Нина посмотрела на него удивленно.

– Какой Сергей?

Виктор показал глазами на то место, где вплоть до его бегства стояла урна с прахом Сергея Фишбейна-Степаненко.

– На балконе, она тут мешала...

– Принеси и поставь на место.

Нина сходила на балкон и принесла урну. Поставила ее на подоконник ближе к плите. Вытерла с нее пыль и грязь губкой для мытья посуды. Присела на табуретку, на которой раньше всегда стояла Мишина миска.

– Осмотри внимательно все вещи, – заговорил Виктор. – И сложи все, что оставил или забыл твой Коля, в кулек или сумку. Если найдешь что-то запакованное – не разворачивай и не смотри. Это может быть опасно...

– О Господи! – вырвалось шепотом у Нины. – Я ж не знала...

– Ты поняла? – спросил Виктор.

Нина кивнула.

– А ты ей поможешь, хорошо? – Виктор повернулся к Соне, сидевшей сбоку между ним и Ниной.

– Хорошо, – пообещала Соня.

– Деньги остались? – спросил Виктор после паузы.

– Мало, – Нина занервничала. – Я же ремонт сделала, кое-что из мебели купила... дачу...

– Какую дачу?

– На Осокорках, на берегу Днепра... Тебе понравится...

Виктор молча поднялся из-за стола. Задел ногой что-то стеклянное. Заглянул под стол – там в три шеренги стояли пустые бутылки из-под шампанского и водки.

– Вынеси в мусор, – бросил Виктор на ходу. – Я вечером перезвоню.

Перед тем как сесть в ожидавший его джип, Виктор заскочил к бабе Тоне, чтобы забрать у нее свою сумку.

– Забрала милиция твоего жильца! – сказала она. – Что он там наделал?

– Милиция? – переспросил Виктор. – Они что, в форме были?

– Да, только форма не милицейская, а «Беркута». Он как раз в парадное входил, а они его с двух сторон и сразу лицом на асфальт, как по телевизору показывают.

– А вы все видели?

– А чего ж тут не видеть, я же на втором этаже живу и как раз напротив. А они за час до того приехали на двух машинах. Ясно было, что что-то интересное будет...

Виктор кивнул.

18

Вечер прошел в совместном с имиджмейкерами обсуждении проекта дополнения к плакату конкурента. Компьютерщику Славе все сразу понравилось, но Жора словоблудии и тянул время, требуя более ясной концепции. Было видно, что то ли его профессиональная имиджмейкерская честь была задета тем, что идея была рождена человеком не из его команды, то ли что-то другое раздражало. Но Сергей Павлович был тверд как камень, и, поняв, что дальше сопротивляться опасно, Жора сдался. Но теперь он начал доказывать компьютерщику Славе, что у него уйдет намного больше времени на макетирование и вывод, чем тот думает. И шеф, и Виктор почувствовали нечистую игру Жоры, но поделились они друг с другом своими соображениями около полуночи, когда Жора с близнецами уехал на вызванном такси в ночной клуб, оставив компьютерщика напрягать свое и без того слабое зрение.

– До утра сделаешь? – спросил его шеф, всматриваясь в сканированное изображение уже знакомого анфаса на мониторе компьютера.

– Постараюсь, – протянул в ответ Слава, но в голосе его не было радости.

Шеф достал из кармана стодолларовую купюру, положил на клавиатуру.

– А если часикам к четырем-пяти? – снова спросил. – Так, что б к рассвету все было тик-так?

Слава поднял голову, и в его глазах, спрятанных за линзами очков, прочиталась мгновенная, увеличенная оптикой преданность. Он аккуратно взял купюру, спрятал в боковой карман пиджака.

– Можно еще быстрее, – сказал он.

Шеф бросил взгляд на Виктора.

– Вот видишь! Доллар – двигатель прогресса, если его вовремя и правильно инвестировать в точные технологии!.. Пошли вниз, катнем пару шаров!

Паша, тенью ходивший за ними на расстоянии не больше трех метров, построил пирамидку и снова отошел на вежливое расстояние. Сверху донесся телефонный звонок, и Сергей Павлович кивком головы отправил Пашу к аппарату.

Пирамидку разбивал Виктор, но шары рассыпались беспорядочно и ни один из них даже не попытался провалиться в лузу. Сергей Павлович улыбнулся, прицелился кием в шар с номером 7, но тут возле стола оказался Паша с непривычно серьезным лицом.

– Сергей Павлович, там Потапыч, сам звонит...

– На, ударь за меня! – протянул шеф кий Паше. – Промажешь – я тебе устрою!

Паша неловко взял кий, стал ходить вокруг стола, наконец остановился и резко, почти не прицеливаясь, ударил по ближнему к бортику шару. Шар ударил в тройню шаров, которые тут же разлетелись в разные стороны и два из них попали в лузы. Паша с облегчением вздохнул и посмотрел на Виктора, но он не выглядел победителем.

«Новичок! – понял Виктор. – Наверняка выиграл!»

Но Паша не оправдал его ожиданий или же, попросту говоря, доказал, что даже в правилах везения для дураков и новичков есть исключения.

Сергей Павлович спустился вниз сосредоточенный и забывший о бильярде.

– Собирайтесь! – бросил он. – Поедем музыку слушать!

Через несколько минут Виктор, Сергей Павлович и Паша уже выезжали со двора. Дорога предстояла дальняя, но улицы были пустынные, только изредка где-нибудь пряталась машина ГАИ, но гаишники на черные «мерседесовские» джипы, видимо, отучились реагировать. Паша тоже никак не реагировал на мелькавшие то тут, то там машины ГАИ. Весь центр они проскочили за пять минут и уже летели по Артема, потом по улице Фрунзе. Виктор только успевал

отмечать краешком глаза знакомые ориентиры. Но где-то на Куреневке, за стадионом «Спартак», джип свернул налево и дальше ехал уже не спеша по частному сектору.

– Здесь налево, – предупредил Пашу Сергей Павлович.

Заехали в тупичок и остановились перед высокими железными воротами.

– Моргни фарами, – приказал шеф.

Паша «моргнул», и тут же во дворе зажегся свет и кто-то стал открывать ворота. Джип заехал внутрь.

Приехавших встречал мужик лет пятидесяти в камуфляже. Он кивнул только Сергею Павловичу. Шеф зашел в дом первым, Виктор и Паша – за ним следом.

В передней их радушно встретил пожилой, но еще крепкий мужчина лет шестидесяти с липшим, в джинсах и темно-синем свитере. Провел в гостиную, обставленную дорогой мебелью красного дерева.

– Маша! – крикнул он куда-то. – На стол накрой! – Потом, развернувшись к Сергею Павловичу, продолжил: – Бойцы пусть тут подождут, а мы с тобой уединимся...

Шеф кивнул, и они ушли.

– Ты его знаешь? – спросил Виктор Пашу.

Паша кивнул, но рта не раскрыл.

В гостиной появилась Маша – женщина лет сорока, крашенная блондинка, одетая в синий байковый халат, на ногах – армянские тапочки с загнутыми сверху носками. Перед собой она толкала столик на колесиках. На столике – несколько тарелок с нарезанной снедью. Снедь быстро перекочевала на круглый стол. Паша помогал переставлять тарелки. Виктор молча наблюдал. Потом из барного отделения дорогой стенки на стол перекочевала бутылка коньяка «Ай-Петри», две бутылки «Миргородской», рюмки и стаканы.

Шеф возвратился минут через десять. Лицо его стало теперь не только усталым, но и хмурым. Хозяин задержался на минутку, но когда вошел в гостиную, улыбался, как прежде. Предложил всем сесть за стол, стал разливать коньяк по хрустальным рюмкам.

– Я до окончания выборов завязал, – остановил Сергей Павлович руку хозяина, зависшую с бутылкой коньяка над его рюмкой.

Хозяин понятиливо кивнул. Налил шефу минералки.

Ночное застолье веселостью не отличалось. Паша выпил две рюмки «Ай-Петри», предварительно заглянув в глаза шефу и не прочитав там никаких запретов, Виктор ограничился одной. Хозяин дома тоже. Маша за стол не садилась. Видимо, сразу пошла спать.

По дороге назад в Голосеево Виктор заснул в машине. Растолкал его Паша, уже когда они заехали во двор. Зевая, Виктор выбрался из джипа, мечтая добраться до своей мансардной комнатки и снова завалиться на боковую. Но Сергей Павлович быстро взбудрил Виктора – тоном, не терпящим возражений, посоветовал ему идти на кухню и варить на всех крепкий кофе.

– Сегодня спать не будем, – сказал он и отправился принять холодный душ.

Паша заглянул к компьютерщику и, услышав, что дело идет к концу, вернулся на кухню. Часы на стене показывали полтретьего ночи.

Сергей Павлович зашел на кухню в белом махровом халате и с магнитолой в руке.

– Ну что, – сухо произнес он. – Ночное заседание ревкома объявляю открытым. Кофе готов?

Выдвинули столик от стенки на полметра, так, чтобы за ним легко было разместиться троим. Кофе уже был разлит. Сергей Павлович вставил штекер в розетку, потом достал из кармана халата аудиокассету.

– Слушайте внимательно! – сказал он и нажал на «Play».

«...негатив нужен, ты понял? Чистый негатив...»

– да у него даже компьютера нет дома... домашние верны, как собаки... где копать?

– Верные собаки просто стоят дороже неверных... выбери кого-то и возьми с собой сюда, в сауну... вместе поговорим... Или заведи разговорчик типа: надо знать, какой негатив на хозяина могут использовать конкуренты... как там у Ленина – надо знать оружие врага, чтобы с ним успешно бороться... ты понял? Я тебе еще два дня даю, потом сам понимаешь...

– Да я...

– Жора. А если этого, который никогда не расчесывается... он же типичный лох!..»

В этот момент Паша и Сергей Павлович одновременно посмотрели на Виктора, и он инстинктивно дотронулся рукой до своих волос, пригладил их.

– Надо будет тебе расческу подарить, – сказал шеф.

«...ни хера он не поведется... Он просто тормознутый...»

– Хороший лексикон у московских имиджмейкеров, – шеф вздохнул, посмотрел на Виктора, остановил кассету и отпил глоток кофе.

– Вот суки! – «подпел» шефу охранник.

– Паша, – с наигранной укоризной произнес Сергей Павлович, – ты же будущий помощник депутата, учись говорить культурно!

– Я хотел сказать «сволочи», – пояснил Паша.

– Так и говори! А то ведь потом по твоему лексикону будут и обо мне судить! Да, Витя? – Сергей Павлович перевел взгляд на Виктора.

Виктор кивнул.

– Вот эта «интеллектуальная собственность» стоила мне штуку баксов, – шеф кивнул на магнитола. – Но она, конечно, того стоит. По крайней мере, мы сэкономим теперь штук пятьдесят на имиджмейкерах... Паша, позвони Толику, пусть подъедет со своими ребятами. Организуй встречу имиджмейкеров, чтобы они ни минуты после своего ночного клуба не спали. Отвезете их на склад неликвидов и подготовите к искреннему разговору часиков на десять утра, а мы с Витей посмотрим, как там с наглядной агитацией... Да! И вещи их сквозь сито пропусти... И еще, поищи надежного компьютерщика на завтрашний вечер. Все!

Последние два глотка кофе шеф допил залпом и решительно встал.

Паша умылся холодной водой прямо на кухне, вытерся тонким кухонным полотенцем. Через пару минут джип уехал, и снова наступила тишина.

19

Спал Виктор долго, да и лег только около восьми утра. Сначала сон был тяжелым, даже голова, казалось, болела. А может, это снилось, что голова болит. Но ближе к полудню приснилась зима, днепровский лед и полынья со следами голых человеческих ступней по краям. И сам он себе приснился, один, одинокий, напуганный. И ходил он вокруг полыньи в ожидании, и ждал почему-то не только возвращения из днепровских подледных вод пингвина Миши, но и Серегу ждал, и тоже оттуда. Словно вдвоем они с пингином плюхнулись в темно-синее месиво льдинок и тяжелой зимней воды. Но никто не появлялся в полынье, и рыбаков, как назло, вокруг не было. Только темные точки перекрытых новым льдом прорубей.

Проснулся уставшим. Удивился тишине в доме. Вспомнил, что обещал позвонить Соне и Нине и не позвонил. Посмотрел на часы – время к обеду.

В кухне тоже никого не было. Может, под воздействием сна, но первым делом Виктор открыл морозильник и уставился на замороженную рыбу, словно сам был проголодавшимся пингином. Простоял так с полминуты. Потом захлопнул дверцу. Достал из холодильника колбасу, сыр, масло. Поставил чайник – кофе не хотелось.

Вышел в гостиную и тут же увидел на столе новый плакатный анфас конкурента шефа и отдельную широкую полосу с яркой надписью:

**МЫ ИСПРАВЛЯЕМ НЕ ТОЛЬКО ЛИЦО!
КОСМЕТИКА ФИРМЫ «ГРАЦИОЛА»**

На лице у Виктора возникла улыбка. Настроение улучшилось – он радовался увиденному, ведь материализовалась его идея, и оказалось, что идея у него возникла отменная.

«Все-таки не дурак!» – подумал про себя Виктор, присматриваясь к реальному анфасу кандидата в депутаты.

Пока обедал, в голову приходили разные предвыборные мысли – увиденный результат собственного творчества дал новый импульс. Припомнил из прошлого разные виды предвыборной пропаганды. всплыл в памяти фонд жены президента, который помогал детям. И сразу возникла в голове новая идея, может, и не особенно оригинальная, но ведь и избиратели не любят ничего оригинального. Они хотят узнаваемых вещей, и слово «благотворительность» для них все еще остается как бы чертой характера кандидата или депутата, а не каким-то процессом или видом деятельности. При слове «благотворительность» каждый, наверно, думает: «А может, и мне что-нибудь дадут даром за мою бедность или жадность?»

«Надо подсказать, – думал Виктор, жуя бутерброд. – Прессу он и сам купит, а какую-то акцию перед выборами провести... только плюс!»

Мысли о благотворительной акции завели Виктора аж на Татарку, в кафе «Афган», где собираются молодые инвалиды, по возрасту, впрочем, моложе «афганских» ветеранов. Но ведь он-то и видел там только троих, включая Леху. Да и Леха свои ноги потерял здесь, на родине. Для этого ему не пришлось становиться частью «ограниченного контингента». Но все равно – молодые инвалиды это и страшно, и благородно, и на публику подействует!

Шеф вернулся к пяти. По лицу было видно, что не спал. Но бодрился он без особого напряжения. Не зевал, спину держал по-офицерски ровно. Первым делом рассказал, что имиджмейкеров «закрыл» на каком-то складе неликвидов и они уже кое-что о себе рассказали. Близнецы и Жора оказались житомирскими лохотронщиками, а компьютерщик Слава – простым парнем из Курска. Решили подзаработать на выборах. Среди их вещей оказался и пистолет с глушителем, немножко кокаина и мобильник с вмонтированным жучком.

– Что с ними будет? – спросил Виктор.

– Компьютерщика я отпустил, а этим троим будет больно... Есть еще время подумать... Мы с тобой к ним завтра съездим, они сейчас сочинение пишут на тему «За что я люблю родину», – шеф ухмыльнулся.

Виктор, сочтя настроение Сергея Павловича нормальным, рассказал о своей идее.

– А сколько там инвалидов и почему эти протезы? – живо поинтересовался шеф.

– Давайте я съезжу и узнаю, сколько там ребят, а про стоимость протезов пусть Паша или кто-нибудь другой спросит.

Шеф кивнул. Слово «благотворительность» подействовало на него благоприятно, и он, попросив Пашу разбудить его через два часа, отправился отдохнуть.

20

Вечером моросил дождик. Доехав до Крещатика, Виктор разменял долларовую сотку и тут же купил в ЦУМе дешевый китайский зонтик. Радостная суета центрального универмага отвлекла Виктора, и он вдруг потерял всякое желание ехать к Лехе в «Афган». Захотелось найти Свету и снова оказаться в ночном детском садике. «Куда это меня засосало?» – думал Виктор, ощутив всем своим телом тоску по радостям жизни. Но реальность, а точнее, ощущение реальности быстро все расставило на свои места в его сознании, и, выйдя из универмага, он раскрыл зонтик и пошел к подземному переходу. Поймал частника и уже через пятнадцать минут входил в двери знакомого кафе, где вместо ступенек поднимался к дверям покатый порожок для инвалидовных колясок.

В кафе в этот раз было людно. Даже не считая, Виктор понял, что посетителей наберется десятка полтора. Быстро нашел взглядом Леху и поймал несколько вопросительных взглядов на себе, но не обратил на них внимания. Прошел прямо к стойке.

– Привет! – бросил по-деловому Лехе. – Надо поговорить.

Леха, задрав голову кверху, посмотрел на гостя с иронией.

– Пойди в подсобку и возьми себе кресло, чтобы у меня шея не болела. Будем на равных разговаривать...

В подсобке за баром Виктор быстренько разложил складное инвалидное кресло, уселся и выехал на нем к Лехе.

– Кофе хочешь? – спросил Леха.

– Давай!

– Эй, борода, где мое капучино? – раздался из зала хрипловатый голос.

– Подожди, – попросил Леха и занялся работой.

Зашипела струя воздуха, вырывающаяся из никелированной трубочки в металлический кувшинчик со сливками. Виктор наблюдал, как ловко справляется Леха с работой бармена. Минуты через три они продолжили разговор. Виктор рассказал о своей идее и о потенциальном согласии шефа. Как ни странно, никакого блеска в глазах от услышанного у Лехи не появилось.

– Я спрошу, – вяло сказал он. – А что он захочет в обмен? Поддержку на выборах?

– Ничего! Просто, если все получится, в момент передачи протезов будет здесь парочка журналистов, фотографы, чтобы все это донести до избирателей...

– Не думал, что ты в политику влезешь! – покачал головой Леха.

– Я не влазил, меня туда временно всосало, как в болото. Скоро вырвусь.

– Ой ли! – с сомнением произнес Леха и вздохнул. – Ладно, побудь здесь, я схожу переговорю. Хорошо, что хозяин тут...

И он выехал в зал.

«Схожу поговорю?» – повторил Виктор мысленно слова Лехи, проводив его взглядом.

Назад за барную стойку Леха вернулся минут через пять.

– Знаешь, – сказал он. – В принципе хозяин не против, но пускай тогда твой шеф еще одну штуку сделает для нас. Оно нам важнее, ведь ты пойми – для меня, например, протезы – все равно что смокинг – один раз в жизни надеть, чтобы получить от начальника отдела по борьбе с организованной преступностью именную гранату... – Леха рассмеялся. – Протезы напрягают... А вот если он нам закажет бильярдный стол с короткими ножками, чтоб можно было инвалидам шары покатавать, тогда мы ему разрешим и протезы нам подарить. Но носить их не обещаем, понял?

Виктор кивнул. На лице у него «обозначилась» мысль, и Леха вопросительно уставился на старого знакомого.

– Думаю, что с бильярдом все будет о'кей, – Виктор усмехнулся. – Он сам заядлый игрок!

– Ну ты с ним сперва поговори, а потом мне скажешь. На, возьми мою визитку, у меня телефон поменялся. Там и мобильник указан. Позвонишь, тогда надо будет встретиться, чтоб он приехал, чтоб хозяин был... Выборы же совсем скоро... Коньячку выпьешь?

Последний вопрос прозвучал неожиданно и как-то даже слишком дружелюбно. И Виктор согласился. Леха налил и ему, и себе.

– Знаешь, – сказал он, поднимая рюмку, – я те наши похороны вспоминаю, как лучшее время в моей жизни!.. Тебе не понять... Давай за прошлое! Оно всегда лучше настоящего...

– И хуже будущего, – добавил Виктор.

– Ну, этого никто не знает, – Леха мотнул головой и выпил коньяк залпом.

Виктор пил медленно. Коньяк оказался неожиданно благородного вкуса.

– Это что? – спросил Виктор, указывая взглядом на рюмку.

Леха достал с полки под кофеваркой изящную бутылочку, покрутил ее в руках.

– «Мартель», – прочитал он спокойным голосом. – «Гуманитарка» от старых друзей... Я один раз так напился, что потом всю ночь во сне ходил... А на утро ноги болели, будто они на месте... Ладно, допивай и иди, а то наши не очень-то любят, когда здесь неинвалиды задерживаются...

Виктор кивнул, пожал Лехе на прощанье руку и, не оглядываясь, не рассматривая посетителей, вышел из кафе.

21

Следующая ночь показала, что околопредвыборная работа проводится круглосуточно или же исключительно в ночную смену. Как только Виктор вернулся с Татарки с ощущением выполненного на отлично задания и в предвкушении похвалы, его тут же усадили в джип – и вот уже они втроем с Пашей и Сергеем Павловичем несутся по вечернему Киеву, и никто его о результатах поездки не спрашивает. Сергей Павлович молча сидит рядом с Пашей на переднем сиденье. Ясно, что они его ждали, но ведь он-то этого не знал! И не объяснили ничего: куда, зачем?

– А ну-ка останови тут! – приказал вдруг Паше шеф.

Джип резко затормозил. Сергей Павлович обернулся.

– Пойдем посмотрим! – бросил он Виктору, который тут же выбрался из машины. Огляделся.

Находились они на проспекте Победы. Впереди слегка освещались уличными фонарями монументальные животные, охранявшие вход в Киевский зоопарк. При их виде у Виктора кольнуло сердце.

– Не туда смотришь! – отвлек его голос шефа. – Сюда смотри!

Виктор обернулся и понял, что стоят они перед длинным тройным стендом для афиш и прямо на них смотрят два разных анфаса одного и того же кандидата в депутаты – конкурента Сергея Павловича. А сверху красивой, объединяющей оба анфаса шапкой приклеена реклама косметической фирмы «Грациола».

– Ну как? – довольно посмотрел на Виктора Сергей Павлович.

– Отлично!

– Держи! Хорошая идея стоит хороших денег! – Шеф протянул Виктору несколько купюр.

Перед тем как спрятать баксы в карман куртки, Виктор бросил на них быстрый взгляд и понял – получил он добрых три сотни, если не больше. Просто купюры были некрупные.

– Поехали! – скомандовал шеф.

Джип рванул с места и сразу же встал в левый ряд, заставив мчавшиеся по нему «жигули» резко затормозить.

– А куда мы? – спросил Виктор, наклонившись вперед и просунув голову между Пашей и шефом.

– На склад неликвидов, – ответил Сергей Павлович. – Кстати, как там твои инвалиды?

– Порядок... Только у них есть встречная просьба...

– Дорогая?

– Средняя, но со вкусом. Они просят бильярд для инвалидов, чтобы можно было на колясках играть. Ну, чтоб пониже был...

– Нет проблем, я как раз собирался свой на новый менять... Отвезем им, там и ножки подрежем...

Вопрос решился еще проще, чем Виктор ожидал. Больше вопросов у него к шефу не было, и остаток дороги в джипе играло радио «Шансон», включенное Пашей.

«Склад неликвидов» находился посреди частного сектора по дороге на Пущу-Водицу и с виду действительно напоминал склад, по крайней мере, высоким железным забором, украшенным «кружевами» из колючей проволоки и еще более суровыми железными воротами. Внутри же, рядом с объемным сферическим ангаром из дюралюминия, стоял трехэтажный кирпичный дом, из окон которого выливался на улицу уютный желтый свет.

Человек, открывший ворота их джипу, был одет в военный камуфляж. Он тут же закрыл ворота и пошел к дому. Там нажал на кнопку переговорного устройства и сказал: «Приехали!»

Тут же что-то зажужжало, и он открыл тяжелые железные двери, жестом пригласив троих гостей войти.

Внутри их встретили еще трое мужчин в камуфляже. Они поздоровались с Сергеем Павловичем, проигнорировав Пашу и Виктора. Отошли с ним в сторону, пошептались.

Паша и Виктор ждали минут пять, пока не закончились эти деловые переговоры. Потом Сергей Павлович кивком позвал их за собой. Вчетвером они спустились по крутым железным ступенькам с поручнем на одной стороне. Внизу горела дежурная красная лампочка. Виктор споткнулся и чуть было не полетел вниз, на впереди идущих, но Паша поймал его, схватив за плечо. Плечо сразу заныло – Виктор оценил физическую силу и реакцию охранника. Открыл глаза пошире – надо было хоть так бороться с внезапно нахлынувшей усталостью. Попытался вспомнить, когда и куда ушли двое в камуфляже. Но не смог. Не заметил он этого, а теперь только один из них вел их вниз по ступенькам. Но вот ступеньки кончились. Провожатый щелкнул выключателем, и в просторном подвальном коридоре загорелся свет – вспыхнули четыре большие «стоватки». Виктор огляделся. Коридор был шириной метра три. По обе стороны через равные промежутки чернели некрашенные железные двери, слегка «припорошенные» ржавчиной.

Провожатый вопросительно оглянулся на Сергея Павловича.

– Давай сначала к близнецам, – негромко проговорил шеф. Потом он, опять же кивком, позвал Виктора за собой, а Пашу попросил подождать в коридоре.

За железной дверью оказалась обычная тюремная камера с двумя деревянными лавками, столиком и ведром для отправления естественных потребностей. На левой лавке лежали знакомые близнецы-имиджмейкеры. Видимо, спали, но, услышав лязг двери, проснулись, сели.

Правая рука одного была соединена наручниками с левой рукой второго.

– Ну как нашим канарейкам в клеточке? – спросил нараспев Сергей Павлович, подойдя к ним поближе. – Жалобы на обращение есть?

Один из близнецов отрицательно мотнул головой. Виктор внимательно заглянул в их лица – синяков и ссадин не было.

Провожатый достал из внутреннего кармана камуфляжной куртки сложенные вчетверо листки. Протянул шефу. Тот развернул, тут же минуты три-четыре внимательно читал.

– А с кем все-таки вы разговаривали в сауне? – спросил он, дочитав «сочинение» близнецов.

– Да мы не знаем, это Жора его знает, – ответил один.

– Ладно, даю вам еще сутки, – Сергей Павлович протянул исписанные листки «разговорчивому» близнецу. – Вспомните и допишите то, чего здесь еще нет. Если я вдруг не найду в вашем сочинении того, что мне самому известно, – будем делать вас сиаемскими близнецами, и без наркоза. Пошли!

Провожатый закрыл дверь камеры близнецов. Оглянулся на шефа.

Во второй камере изрядно побитый и прикованный наручниками к кольцу в стене стоял на коленях Жора. Когда они зашли, он медленно обернулся.

– Ну что, лохотронщик житомирский, вспомнил, с кем в сауне говорил? – Сергей Павлович опустил на корточки и смотрел теперь шефу «имиджмейкеров» прямо в глаза. – Знаешь, у меня больше нет времени на разговоры. И денег на твое содержание жалко. Ты думаешь, ты здесь за бюджетный счет сидишь, сука? Я за каждые сутки пятьдесят баксов плачу... И, честно говоря, не вижу смысла больше тратиться... Мало того что ты грубо нарушил Закон улитки, так еще и молчишь!

– Какой еще закон? – промычал Жора.

Сергей Павлович медленно поднялся с корточек, вздохнул. Поискал взглядом сочувствия у Виктора, но Виктор никак на взгляд шефа не отреагировал. Просто уже спал на ходу. Хотя слушал и слышал все, что говорилось в камере этой частной тюрьмы.

– Саша, – Сергей Павлович обернулся к провожатому, – будем больного выписывать... Накачаешь его наркотиками и ночью с моста в Днепр... Незнание закона не освобождает от наказания. Пошли.

Виктор вышел первым, потом шеф. Когда провожатый Саша закрыл дверь камеры на ключ, оттуда донесся крик. Саша обернулся на шефа, тот жестом показал: «Не реагировать!» И ключ в двери провернулся еще два раза. Жора снова закричал. Сергей Павлович стоял и смотрел внимательно на закрытые железные двери. Потом попросил Сашу снова открыть камеру.

– Ты что-то хотел сказать? – спросил он Жору.

– Это Крестный... Он был в сауне...

– А на кого он работает? На Боксера?

Жора кивнул.

– Хорошо, – задумчиво произнес Сергей Павлович. – Ну извини, что потревожили...

– Эй, – окликнул хрипловатым негромким голосом Жора. – А что это за закон улитки?

Сергей Павлович обернулся.

– Тебя касается пятая статья закона: «Проникновение в чужой домик с целью выжить из него хозяина наказывается смертью через утопление».

Железные двери камеры снова закрылись.

– Ладно, – после минутной паузы заговорил шеф, обращаясь к провожатому Саше. – Наркотиками не накачивай. Просто сбросьте ночью с Южного моста. Если выплывет – пусть живет!.. Поехали!

– А с близнецами? – деловито спросил Саша.

– Завтра заберешь «сочинение». Молчаливому пусть на лице какой-нибудь знак оставят, чтобы потом их легче различать было... И скажи: если еще раз в Киеве появятся – мы их точно «сиамскими» сделаем! Пускай у себя в Житомире лохотронят или в Москву едут. Москва всех простит!..

По пустынному Ново-Гостомельскому шоссе Паша гнал джип со скоростью 180 километров в час. Возле областного ГАИ притормозил, но не из-за ГАИ, а чтобы не слететь с дороги перед кольцом развязки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.